

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена ЛОГУНОВА

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

ХИЖИНА
ТЕТИ ТОМЫ

Тяпа Иванова

Елена Логунова
Хижина тети Томы

«ЭКСМО»

2007

Логунова Е. И.

Хижина тети Тома / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2007 — (Тяпа Иванова)

Разведясь с мужем, недотепа Таня приехала в курортный поселок поправить душевное и физическое здоровье. И совершенно неожиданно для себя стала объектом интереса... сразу трех красавцев! Сначала такое внимание ей польстило, а потом насторожило, особенно когда один из поклонников погиб, попав под аквабайк! Таня решила побольше узнать об остальных ухажерах и нашла в жилище самого настойчивого блокнот с записями о каждом своем шаге! Так, выходит, амурный интерес тут ни при чем? Но зачем она понадобилась этой странной троице?..

© Логунова Е. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Логунова

Хижина тети Томы

Вместо предисловия За день до новой эры

– Лох – это судьба! – без тени сочувствия заявила Софи, выслушав слезливую историю моей жизни.

– Лох – это кустарник! – возразила я, пряча обиду и демонстрируя эрудицию.

– А я что говорю? Именно кустарник, – легко согласилась Софи. – Какие у него шансы стать высоким красивым деревом? Никаких! Так и будет всегда низкорослым корявым кустарником с дурацким именем!

Видит бог, у меня мало сходства с мачтовой сосной, поэтому «низкорослый корявый кустарник» я проглотила, но насчет имени Софи могла бы и промолчать, это было уже слишком. Я так и сказала ей, после чего перевернула пустое ведро вверх дном, с хрустом поставила его на гальку, уселась и спрятала лицо в ладонях.

– Эх ты, Нюня, Нюня! – насмешливо сказала Софи. – Очень правильно тебя родители назвали! Самое подходящее для тебя имя, лучше даже, чем Лох!

– Меня Таней зовут! – плаксиво напомнила я, но Софи меня не услышала.

Она тоже поставила ведро, только нормально, ручкой вверх, и теперь с веселым грохотом метала в емкость круглые белые камешки, сноровисто выбирая их из общей массы разноцветных гольшей. Я перестала кукситься, слезла со своего ведра, перевернула его и тоже поползла вдоль линии прибоя на четвереньках, сортируя облизанные морем камешки на товарные и нетоварные. Тетя Люся строго-настрога наказала нам с Софи собрать сегодня по четыре ведра белой гальки, и сделать это надо было до восьми часов. Во-первых, нельзя было опаздывать с грузом к утреннему поезду, во-вторых, сразу после завтрака на море вывалит толпа отдыхающих, и ползать по пляжу на карачках будет во всех смыслах неудобно.

Честно скажу, своего занятия я стесняюсь, хотя тетя Люся вполне аргументированно объяснила нам с Софи, какое это важное и нужное дело – тоннами собирать красивую белую гальку, которую москвичи потом мешками покупают в цветочном магазине для украшения своих дачных участков.

– Столица задыхается без экологически чистых материалов! – с чувством вещала тетя Люся.

Она, бывший партийный работник, настропилилась проводить политинформации, ей вещать – как с горки катиться.

– Мы, жители курортного рая, должны дать возможность нашим соотечественникам создать кусочек райского сада на каждом отдельно взятом дачном участке! Я вижу в этом наш гражданский долг.

На самом деле хитрая тетя Люся видит в этом деле свою личную прибыль, ей за каждое ведро халявной гальки, собранной с применением дешевой рабской силы, владелец московского магазина деньги платит. Пятьдесят рублей за ведро, по восемь ведер в день, и так целый год – на круг получается неплохая сумма.

Софи этой политической экономией прониклась и тягает камни на горку с таким энтузиазмом – куда до нее Сизифу! А я стесняюсь. Я вообще жутко стеснительная.

В детстве я была послушной тихой девочкой, не ребенок – мечта родителей. У меня были любящие и заботливые папочка с мамочкой и два комплекта дедушек-бабушек, с ними

я чувствовала себя как за стеной, да не просто каменной – Великой Китайской! Наверное, поэтому бойцовские качества моей натуры остались недоразвитыми.

Первым спохватился папа. Он перестал называть меня милым домашним именем Нюня и дал другое – Тяпа. Оба прозвища являлись вольными производными от имени Таня-Танюша, но папин вариант был более задиристым. Я могла в этом убедиться на примере соседской болонки, которая страдала манией величия и норовила вести себя как сенбернар, а звалась при этом тоже Тяпой. Кусачая четвероногая тезка мне не нравилась, откликаться на Тяпу я не желала, и вялая, безынициативная Нюня надолго получила преимущественные права.

Лет в пятнадцать я в этой кисейной барышне разочаровалась и с тех пор пытаюсь ее перевоспитать. Особого результата пока не видно, но слабые признаки внутренней борьбы окружающие все же замечают. Тетя Люся, например, наградила меня прозвищем Тихий Омут. Впрочем, возможно, таким образом она тактично намекает, что я, если бы захотела, могла бы работать как черт.

Я, вообще говоря, не ленива, хотя тяжелый физический труд в восторг меня не приводит. Также я не люблю публичных выступлений, и уж совсем не по душе мне ответственная роль начальника. Два месяца классного руководства в средней школе не только хамку Тяпу, но и рохлю Нюню привели к выводу, что даже безнравственный тет-а-тет в борделе был бы, пожалуй, предпочтительней малооплачиваемого публичного позорища в пятом «Б»!

Мое амплуа – добросовестный подчиненный на интересной работе. Поэтому я очень обрадовалась, когда в обеденный перерыв тетя Люся объявила, что завтра камни собирать не придется, она бросит нас с Софи на другой участок.

– Сонечка будет носить хачапури! – объявила хозяйка, и Софи захлопала в ладоши, как будто это такое большое счастье – снова по пляжу с коробкой пирогов и истошными криками: «А вот кому хачапури! Горячие хачапури!»

Я бы на месте Софи умерла со стыда, а перед смертью попыталась организовать повтор библейского чуда с бесплатным кормлением толпы голодных семью хлебами, за что жадная тетя Люся потом распяла бы меня в полном соответствии с историческим примером.

Должно быть, эта крамольная мысль отразилась на моем лице, потому что меня хозяйка в лоточницы не наладила.

– А для тебя, Танечка, есть творческая работа! – торжественно сказала она и сделала театральную паузу.

Я не спешила заполнить ее аплодисментами. Творческой работой в понимании тети Сони вполне могла оказаться пламенная агитация курортников в турпоход к водопадам, которые в такую жару давно пересохли, или вербовка прибывающих в поселок неорганизованных отдыхающих в ряды хозяйских постояльцев.

– Моему художнику вновь нужен материал для работы, – не дождавшись от меня проявлений бурной радости, объяснила тетя Люся. – Он просит срочно выслать ему десять-пятнадцать кило. Соберешь до конца недели?

Я кивнула и соблаговолила улыбнуться. Я еще не знала, что мне только что возвестили о начале новой эры в моей собственной истории.

Полученная работа казалась мне более или менее приятной. Один бывший тети-Люсин постоялец – она с гордостью называет его «мой художник» – наострил клеем шикарные витражи из обкатанных морем бутылочных стеклышек. Эти произведения успешно продаются, художник хорошо зарабатывает, отдыхать он ездит уже не к нам, а за границу, и материал для изготовления своих работ собирает не сам лично, а руками тети-Люсиных батраков. Дело-то нехитрое: знай ходи себе по мокрой гальке в полосе прибоя и высматривай цветные стеклышки. Блеснет под ногами зеленый огонек – цепко выхватывай его из-под накатывающей волны, любуйся фальшивым изумрудом, смотри сквозь него на солнышко... Согласитесь, это куда более романтично, чем игра в мини-бульдозер на россыпи камней!

Моя история началась на следующий день.

Глава 1

Кто хочет взять миллионера?

Я отправилась на свою тихую охоту ранним утром, но оказалась не первым человеком, выдвинувшимся с нашего двора: по многоступенчатой лестнице пытался ездить на малорослом велосипеде Гера, любимый внук тети Люси. Выглядел он, как обычно, колоритно и по цветовой гамме напоминал светофор: в шлеме, похожем на оранжевый кабачок, зеленой майке с изображением неведомого земной науке монстра и красных бриджах со множеством огромных накладных карманов.

– Эй, Танюшка! – радостно приветствовала меня эта яркая личность. – Смотри, как я могу!

Я посмотрела. Гера прямо на ступеньке поднял свой карликовый велик на дыбы и опасно покрутился на одном заднем колесе.

– Отлично, – вежливо сказала я. И не удержалась от вопроса: – А зачем это? Сломаешь велосипед или, не дай бог, шею!

– Так надо! Ты что, совсем темная? – Гера обиделся. – Это же велотриал!

Желая меня поразить, он продемонстрировал на лестничной площадке чудеса велоакробатики, в результате которых у меня сложилось впечатление, что велотриал – это весьма затейливый, энергоемкий, но быстрый способ сменить велик на инвалидную коляску.

– Шел бы ты лучше плавать! – посоветовала я Гере. – Плавание – наименее травматичный вид спорта.

И тут же вспомнила, что Гера плавает не сам по себе, а на специальной доске, весьма большой, что в сочетании с высокими волнами вполне может привести к определенным увечьям. Подозреваю, что Герина вихрастая голова уже не раз вступала в плотный контакт с разнообразными твердыми предметами и поверхностями и это отрицательно сказалось на его мозгах. Пацану уже шестнадцать лет, а он думает только о роликах, великах, скейтах, досках, парашютах и прочих опасных игрушках. Многочисленные обитатели тети-Люсиного двора зовут Геру Экстремальчиком.

Попрощавшись с гарцующим Герой, я сошла к морю. Солнце еще не выкатилось из-за горы, затеняющей пляж, было прохладно, и я порадовалась, что надела кофточку с длинными рукавами и джинсы. Впрочем, я и жарким днем ползала по пляжу не в купальнике, а в длинном платье с закрытыми плечами: не хотела обгорать на солнце да и лишний раз демонстрировать свое тело тоже.

Я не питаю иллюзий по поводу своей внешности. И лицо, и фигура у меня самые обыкновенные. Без существенных дефектов, но и без особых достоинств. Если бы я пережила кораблекрушение и оказалась на острове, тамошний Робинзон был бы вполне счастлив, но мужчины, имеющие возможность более широкого выбора, обычно отдают предпочтение не мне. Именно поэтому я в свое время без раздумий вышла замуж за первого же желающего: боялась остаться старой девой. Спасибо Сашке, в девках я не засиделась, но и в супружеской постели не залежалась, потому что он уже через полгода после свадьбы всерьез начал задаваться вопросом, который с самого начала мучил меня: почему он сделал мне предложение? Спросить я стеснялась, но, когда Сашка сам заговорил на эту тему, быстро согласилась считать наш брак ошибкой, подлежащей немедленному исправлению.

Собственно, в непрезентабельный курятник тети Люси меня привела именно работа над ошибками. В приступе активного самоедства и при подстрекательстве мятежной Тяпы я решила изменить свою жизнь резко и до неузнаваемости. Развелась с Сашкой, нахамила забот-

ливым родителям и уехала из города в курортную тмутаракань – спать в курятнике, батрачить за кров и стол на чужую тетю и искать на каменистом пляже стекляшки и смысл жизни.

Неизбежное ведро я пристроила под кустиком и пошла вдоль моря с одной легкой пластмассовой бутылкой. Диаметр ее горлышка соответствовал максимальному размеру стекляшек, пригодных для витражных работ.

Вода была спокойной. Зеленые, голубые, опаловые и янтарные стекляшки попадались во множестве, я увлеклась, смотрела главным образом себе под ноги и заметила лежащего на гальке человека, только подойдя к нему вплотную.

Мужчина в мокром белом костюме был похож на миллионера, смытого с борта яхты. Он лежал неподвижно, как неживой, на спине, с закрытыми глазами, широко раскинув руки и ноги. Сдуру я подумала, что передо мной утопленник, хотя могла бы сообразить, что море совершенно спокойно, и, значит, выбросить на берег волной его не могло. А если парень вышел из воды самостоятельно, то он точно не утопленник.

Вместо того чтобы здраво рассудить и пройти мимо, я отбросила в сторону сомнения и бутылку со стеклами, упала на колени и принялась оказывать предполагаемому миллионеру первую помощь, как того требовали мое врожденное благородство и установленный у входа на пляж плакат-комикс «Спасение утопающих».

Что ни говори, а искусственное дыхание рот в рот – очень действенный прием! Я только начала реанимационный процесс, как лжеутопленник открыл глаза, сомкнул руки за моей спиной и сделал рывок. Мы перевернулись, и он оказался сверху. Такая перемена мест слагаемых меня дико напугала, я хотела заорать, но не смогла, потому что миллионер здорово меня придавил, и от безысходности я выпалила прямо в настороженные зеленые глаза:

– Ты, козел-собака! У меня заболевание, передающееся половым путем!

Этому приему морального устрашения меня еще на первом курсе обучила соседка по общежитию Райка Лебзон. В ее версии, правда, использовались более крепкие ругательства, да и сам текст был короче и выразительней: «Б..., с..., у меня сифилис!» При этом «б...» и «с...» почему-то упоминались непременно во множественном числе. Видимо, подсознательно Райка твердо рассчитывала на групповуху, которую впоследствии и получила в повседневное пользование, устроившись на работу в израильский бордель. Ничего, довольна жизнью, прислала мне как-то письмецо, в котором с теплым чувством благодарности вспоминала первую родину и сообщала, что владение языком ей очень пригодилось. Не знаю, правда, что именно она имела в виду.

У самой-то у меня лингвистические способности умеренные, хотя великим русским матерным я, например, тоже владею – чисто теоретически. У меня только практики нет, слова на «б» и «с» я произнести не могу, стесняюсь.

Мысли о Райке с ее Израилем и русском языке со всеми его буквами образовали в моем мозгу фон, на котором пламенными письменами высвечивались истерические телепатемы: «Ай-яй-яй! Помогите, спасите, помилуйте!» Это визжала насмерть перепуганная Нюня. Со мной всегда так: в пиковой ситуации сознание расщепляется, и, пока трусиха Нюня стучит зубами, нахалка Тяпа зубы скалит.

Подмоченный миллионер, очевидно, тоже был из породы нахалов. В ответ на сообщение об огорчительном нездоровье моей половой сферы он усмехнулся, недоверчиво заломил соболиную бровь и авторитетно сообщил:

– Чтоб вы знали, милая, слабоумие посредством сексуального контакта не передается!

– Да? А как же, по наследству? – возразила я.

Глупо было затевать дискуссию с противником, имеющим ощутимое преимущество в весе и занимающим стратегическую высоту на моем собственном теле, но Тяпа пошла вразнос и совершенно хамски добавила:

– Как, например, в вашем случае!

– Наглая особа! – как мне показалось, с одобрением констатировал миллионер. – Как вас зовут, нахалка?

– Тя... Таня! – застенчиво ответила Нюня, а Тяпа, отправленная на задворки души современным пинком, в полете тьякнула: «Секс – это еще не повод для знакомства!»

– А секса и не было! – машинально возразила ей воспрянувшая Нюня, по недосмотру сказав эти слова вслух.

– Ну, это дело поправимое! – заявил бойкий миллионер и совершил корпусом волнообразное движение, более грациозный вариант которого демонстрируют на суше дрессированные тюлени.

Тут уже Нюня с Тяпой взвыли в два голоса, а я дернулась и успешно стряхнула зазевавшегося миллионера на гальку.

Нужно ли добавлять, что он треснулся башкой о камень, закрыл глаза и затих, после чего мне вновь пришлось делать ему искусственное дыхание.

– А целуешься ты классно! – заявил мой пациент через минуту. Затем он открыл глаза и светски спросил:

– Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

После поцелуя, за качество исполнения которого я получила столь высокую оценку, возражать было поздно. К тому же комплимент мне польстил, классно целоваться по методу «рот в рот» я училась на пластмассовом манекене в кабинете военно-медицинской подготовки, и доктор Карагезян всегда критиковала мою вольную манеру обнимать воображаемого пострадавшего за шею.

– Я Рома, – сказал мой новый знакомый и улыбнулся так, что я загляделась.

Глаза у Ромы были зеленые, как морские стекляшки, скулы широкие, нос прямой, а подбородок раздвоенный. Волосы русые, с рыжиной, аккуратно подстриженные «под горшок». Незатейливая прическа Ивана-дурака шла ему необычайно, и мне внезапно захотелось вздохнуть эти густые рыжеватые волосы пятерней.

– Что смотришь? Нравлюсь? – улыбувшись еще шире, спросил меня наглец.

– Смотрю, купальный костюм у тебя оригинальный! – съязвила я в ответ. – От Кардена?

– От Диора, – важно ответил он. Потом сел и сосредоточенно охлопал себя по карманам. – Ч-черт! Где все? Бумажник, мобильник, ключи, очки? Неужели сперли?

– Или ты их сам потерял во время заплыва, – подсказала я куда менее вероятную версию.

Как местная шпана пылесосит карманы приезжих, которые по пьяни или по глупости устраиваются поспать на пляже, нам с Софи в первый же день в красках рассказала тетя Люся. После знакомства с условиями проживания в ее курятнике нас посетила мысль обосноваться в самодельном шалашике на скалистом берегу, в чем тетя Люся была материально не заинтересована.

– А почему это я мокрый? – вдруг озабоченно спросил Рома, и я фыркнула.

Мужики – занятные существа! К сексу они, видите ли, готовы сразу по приходе в сознание, а вот реальность, данную им в малоэротичных ощущениях, воспринимают замедленно.

– Спроси еще: «Где я?» – насмешливо подсказала я.

– Тоже хороший вопрос! – согласился Рома, растрепав свою шевелюру именно так, как это хотела сделать я.

Он с неподдельным интересом осмотрел пустой берег и чистую морскую даль, пробормотал: «Похоже на Крым?» – и уставился на меня с немим вопросом.

– Крым и Рым, – сказала я, не зная, верить ли в Ромину амнезию. Что, если он притворяется беспмятным в расчете на новый сеанс оздоровительных поцелуев? – Ты, случаем, не алкаш?

– А разве похож? – Он забеспокоился и попытался разглядеть ладонями помятые брюки. Я сделала поправку на несомненное качество костюма:

– Или ты сильно пьющий миллионер? Перебрал шампанского с трюфелями и упал за борт собственной яхты?

– Такой вариант мне больше нравится, – признался Рома, встав на ноги и вытянув шею в тщетной попытке заглянуть за горизонт, где могла прятаться его бесхозная яхта.

– Дыхни! – потребовала я. – Фу-у-у!

– Так уж прям и «фу»? – обиделся Рома. – А чего ж ты тогда целоваться лезла?

Объяснять дураку, что я делала ему искусственное дыхание, не имело смысла – все равно не поверит. Он хоть и дурак, но красавчик, а красавчики твердо убеждены в том, что обыкновенная женщина душу продаст, чтобы добраться до белого комиссарского тела.

– Ты пил, это точно, – сказала я. – Где и с кем, не помнишь?

Рома надолго задумался. Чтобы не мешать ему мыслить, я подобрала свою бутылку и пошла дальше собирать стекляшки. Беспамятный красавчик нетвердой походкой поплелся следом, поминутно оскальзываясь на мокрой гальке и полоща в морской воде туфли и штанины. Я старалась не обращать на него внимания, сосредоточилась на работе и заполнила бутылку за полчаса. Пока я высыпала собранные стекляшки в ведро, Рома топтался в отдалении, но потом снова приблизился, чтобы поделиться со мной результатами своих мучительных раздумий.

Ему удалось извлечь из своей дырявой памяти обрывки, из которых в общих чертах складывалась картина бурного загула в компании незнакомой декольтированной девицы и «однорукого бандита», одинаково жадных до денег. Деньги у Ромы сначала были в большом количестве, а потом как-то внезапно кончились вовсе, после чего грудастая красотка и «однорукий бандит» превратились в одного мордоворота с могучей грудью и нормальным количеством верхних конечностей, и уже он, этот мордоворот, воздушным путем перебросил Ромино тело на ночной пляж. Совсем смутно помнились десантнику жесткая посадка на прибрежные камни и лунная дорожка на темной воде, о которой он сказал, что она была теплой, из чего следовало, что купаться дурак полез по собственному почину.

– А раздеваться я не стал потому, что по пляжу слонялись какие-то подозрительные личности, и я боялся, что меня обворуют! – сказал красавчик.

– Тебя и так обворовали, – безжалостно напомнила я.

– Слушай, а зачем ты собираешь эту ерундень? – нехстати поинтересовался Рома, указав на бутылку, которую я за разговором успела наполнить до половины. – У тебя собственный стекольный заводик простаивает без сырья?

– Нет у меня своего заводика, не надейся, я бедная невеста! – предупредила я.

– Это плохо! – закручинился Рома. – Я тоже бедный, а мне кушать хочется!

Он жалобно посмотрел на меня, а я вздохнула и нахмурилась, прислушиваясь к спору Нюни с Тяпой.

– Бедненький мальчик, такой хорошенький! – печалилась сердобольная Нюня. – Без гроша в кармане, и знакомых никого, кроме нас! Давайте его подберем, накормим и обогреем.

– Подобрать не проблема, накормить тоже, – сказала циничная Тяпа. – А только где мы его обогревать будем? В тети-Люсином курятнике на шесть персон? Боюсь, соседки по бараку пожелают включиться, и получится у нас бордель почище израильского!

– Стыдно мне за тебя! – строго сказала я Тяпе, а Рома принял сказанное на свой счет и потупился.

Однако сквозь занавесившие лицо рыжие лохмы весело поблескивал разбойный зеленый глаз, и я подумала, что Тяпа моя где-то права, есть в ее словах какая-то сермяжная истина... В смысле, хорошо бы ни с кем не делиться.

– Ты, случайно, не дальтоник? – спросила я своего разорившегося миллионера.

– Нет, а что? – ответил он, заметно удивившись вопросу.

– Значит, зеленое различаешь, – кивнула я. – Тогда держи бутылку и помогай мне собирать стекляшки. Чем раньше мы наполним ведро, тем скорее ты получишь завтрак.

– Есть время разбрасывать камни и время их собирать! – возвестил Рома и принялся за работу.

К девяти часам, когда пляж заполнился народом и в полосе прибоя стало тесно, как в метро в час пик, мы наполнили небольшое ведро почти доверху.

– Не меньше трех кило! – объявил мой помощник, взвесив груз в руке. – Давай я понесу, тебе тяжело будет.

– Какой мужчина! – ахнула растроганная Нюня.

– Важно, не какой мужчина, а чей! – пробурчала Тяпа, начиная ревновать Рому к полуголым девам, поглядывающим на нашего красавчика с откровенным интересом. – Эх, зря мы все-таки в переполненном курятнике поселились! Вот досада-то! Есть роскошный мужик – и некуда его привести!

Я помалкивала, но смотрела в спину шагающего впереди Романа со смешанным чувством радости и досады. В самом деле, Тяпа моя совсем не дура, надо мне почаще к ней прислушиваться!

– Ну вот, я повторил подвиг Сизифа! – сказал Рома, успешно преодолев крутую лестницу. – Куда теперь?

– Вперед, только вперед! – ответила я и махнула рукой в сторону сложного сооружения со множеством балкончиков и пристроек, украшенного протяженной лживой вывеской: «Есть свободные места для отдыха и сна! Спокойно и недорого!»

– Спишь спокойно, да? – покосился на меня Рома.

– Не трави душу! – ляпнула я с подачи сексуально озабоченной Тяпы, о чем под нажимом Нюни сразу же пожалела, но слово уже вылетело и, судя по улыбке моего собеседника, было понято им совершенно правильно. И не только им.

– Вот козел-собака! – выругалась Тяпа. – Нюнька, смотри, что делается! Никак наша дура надумала влюбиться!

Подмоченный и помятый красавчик развернул плечи и заблестел глазами, а я скрипнула зубами и нечеловеческим усилием воли удержалась, чтобы не оглядеться в поисках покупателя на мою грешную душу. Влюбляться, так и не найдя смысл жизни, не хотелось, но было ощущение, что переживать по этому поводу не стоит, поздно уже. Зеленоглазый наглец успел пленить мое сердце.

Утешало только одно: превратившись из миллионера в нищего, Рома должен был сделаться существенно менее привлекательным для алчных девиц вроде давешней декольтированной красотки. Тем не менее мы с Нюней малодушно задрожали, страхась конкурентной борьбы. А тут еще вертихвостка Софи, едва увидев моего спутника в окошко, сделала большие коровьи глаза, свесила вымя за подоконник и заговорила томным голосом с придыханием:

– Здра-авствуйте! Ну же, Нюня, познакомь девушку с молодым человеком!

– Нюня? – заинтересовался Рома.

– Молодой человек – это девушка, девушка – это молодой человек! – сердито выдохнула я и потащила красавчика мимо пустившей слюни Софи в офис тети Люси.

– Тань, а кто это – Нюня? – спросил Рома по дороге в виноградную беседку, которая заменяла нашей хозяйке кабинет.

– Да есть одна такая... – Мне не хотелось сейчас распространяться о своей триединой сущности.

Тетя Люся покачивалась в плетеном кресле и читала Стейнбека. Несмотря на обилие на книжных лотках новых произведений, бывшая партработница всегда читает только проверенные временем и политически выдержанные произведения.

– Ну и? – спросила она, увидев нас, и закрыла книжку, сунув между страницами вместо закладки сломанные очки без дужек.

– Вот! – в том же лаконичном стиле ответила я и вытолкнула вперед Рому.

– Постоялец? – спросила тетя Люся, с интересом оглядев молодого человека с растрепанной головы до мокрых ног.

– Никак нет, мэм! – гаркнул Рома, вытянувшись во фронт.

– В каком полку служили, поручик? – сердито прошипела я ему в ухо. – Давай без «мэм», тут американизмы не в ходу.

– Я тетя Люся! – посуровев, сообщила моя хозяйка так величественно, словно далее по умолчанию следовал титул «Божьей Милостью королева Англии».

– Товарищ тетя Люся! – мгновенно сменил пластинку смущенный красавчик. – Разрешите представиться: я Роман! Прибыл в ваше полное распоряжение!

– Полное, говоришь? – Наша королева повторно оглядела добровольного вассала.

Взгляд был оценивающий, и моя Тяпа занервничала:

– Чего глазеет ведьма старая?

– У него денег нет и жить негде, но он работающий! – поспешно сказала я.

– Работающий, – задумчиво повторила хозяйка, вновь пройдясь по фигуре парня инспекторским взглядом.

Тут уже и я заволновалась. Тетя Люся – дама энергичная, с большим вкусом не только к деньгам, но и к радостям жизни. А ну как она сейчас назначит моего красавчика на особо творческую работу в свою опочивальню?

– Теть Люсь, его пожалеть надо! – заканючила я, призвав в помощницы мастерицу нытья и плача Нюню. – Хороший парень, хоть и выпивает иногда, а как ему не выпивать, если у него жена-стерва налево бегаёт, а он на нервной почве потенции напрочь лишился?

Рома поперхнулся возмущенным возгласом и в приступе кашля согнулся пополам.

– И здоровье совсем потерял! – закончила я, умело использовав ситуацию.

– Лечиться надо, – веско сказала на это тетя Люся и задумчиво потерла лоб.

Мы в почтительном молчании ждали монаршего волеизъявления и дождались.

– Я тебя в санаторий устрою! – объявила хозяйка.

Я вытаращила глаза, не смея верить сказанному. Тетя Люся, которую в поселке за глаза называют старушкой-процентщицей, за свой счет купит чужому человеку путевку в санаторий?!

– В «Жемчужном колесе» срочно нужен смотритель бассейна, – сказала меж тем хозяйка. – Две тысячи рублей в месяц.

– Две тысячи? Мне? – повторил Рома.

По тону чувствовалось, что ничтожность суммы не соответствует его самооценке.

– Две тысячи мне, – твердо сказала тетя Люся. – Комиссионные. Ведь это я устраиваю тебя на работу, не так ли?

Мне полегчало. Зря я тревожилась, хозяйка в полном порядке, ведет себя совершенно нормально – как паук-кровосос.

– Тебе будут платить три, и на тысячу ты вполне проживешь, потому что тебе дадут жилье и позволят питаться в столовой после отдыхающих, – объяснила хозяйка. – Так вся обслуга живет.

Рома не выглядел счастливым, и тетя Люся сочла нужным его подбодрить.

– Ничего, сыт будешь! – пообещала она. – За отдыхающими остается очень много еды. Особенно плохо они кушают манку.

– Я тоже плохо кушаю манку! – пожаловался мне Рома, когда мы вышли из офисной беседки и удалились за пределы слышимости.

– А сейчас? – спросила я вредным голосом Тяпы.

– Сейчас съел бы, – прислушавшись к урчанию в пустом желудке, грустно признался красавчик.

– Вот и не выпендривайся! И знаешь что? Раздевайся!

– Здесь? – удивился он, повертев головой и послав мимолетную улыбку жадно глазающей на нас Софи. – Сейчас?! Танька, одумайся, люди же кругом! – И красавец вопреки сказанному с готовностью расстегнул ремень на штанах.

– Застегнись! – рявкнула я. – Ты что подумал? Я тебя просто переодеть хочу, чтобы ты не был похож на короля в изгнании! Королю небось и трех тысяч не заплатят, одной манкой откупятся. Стой, где стоишь, я тебе другую одежду принесу!

Он замер вблизи барбарисового куста, как парковая скульптура, а я метнулась к себе в курятник, спешно отыскала в шкафу чистые бриджи и футболку и принесла все это Роме. Он уже не стоял под кустом один, а сидел на лавочке в компании Софи, с удовольствием поедая хачапури. И Софи, зараза такая, заботливо держала наготове второй пирог и бумажную салфеточку.

– Сонечка, тебя там тетя Люся зовет! – соврала я. – Срочно!

– Я не прощаюсь! – проворковала Софи, неохотно отклеиваясь от лавочки.

– Зря! – сказала я и забрала у нее хачапури и салфетку.

– Очень милая девушка! – радостно сказал Рома, проводив благосклонным взглядом круглую попу Софи.

Я сердито подумала, что Соньке не помешало бы похудеть. Ишь, отрастила себе задницу, весь обзор закрывает, мешает пейзажем любоваться!

– Лезь под куст и переоденься, – велела я парню. – Да поторопись, надо побыстрее шагать в «Жемчужный колос», пока вакансию не заняли. Мало ли желающих целых три тысячи получать и дармовую манку трескать!

Мои бриджи были Роме коротковаты, а майка откровенно тесна.

– Как я выгляжу? – с беспокойством спросил он, продравшись сквозь завесу зеленых веток.

– Как сирота казанская! – едва не всплакнула Нюня.

– Шикарный прикид! – весело сказала Тяпа. – Секонд-хенд от-кутюр! В таком виде ты смело можешь просить в столовой добавки, тебе даже нищий бомж захочет оказать гуманитарную помощь!

Я забрала у бывшего красавчика сверток с костюмом от Диора, дав взамен пирог, которым он и утешился.

В одиннадцать часов дня экс-миллионер уже был принят на работу в санаторий «Жемчужный колос», получил ключ от щелястого деревянного домика размером с хорошую собачью будку, познакомился с поварихой, ответственной за раздачу сырым и убогим неликвидной манки, и приступил к своим обязанностям смотрителя бассейна.

– Разумеется, без документов мы не можем оформить вас на работу официально, – сказала, вручая ему ведро и сачок, директриса заведения. – Это нарушение с нашей стороны, но за вас попросил и поручился проверенный товарищ... В общем, можете взять в кассе тысячу рублей авансом, бухгалтера я предупрежу. Кстати, как ваша фамилия?

– Иванов! – бодро отозвался тети-Люсин протеже. – Роман Иванович Иванов!

– Врет! – оценив избыточную искренность тона, убежденно шепнула Тяпа.

И на сей раз я и Нюня с ней согласились.

Глава 2

Мироздание нам поможет!

Послеполуденную жару мы с Софи пережидали в нашем курятнике. Четыре тетки, составляющие нам компанию по ночам, с утра до вечера кухарят у тети-Люсиного соседа Артура. Он владелец полуподпольной пекарни, снабжающей выпечкой в ассортименте всех пляжных разносчиц. С нашей хозяйкой у Артура давняя дружба, ей он уступает свою продукцию чуть дешевле, чем другим оптовым покупателям, что позволяет тете Люсе устанавливать на пироги демпинговые цены. Так, наша Софи реализует хачапури по девятнадцать рублей, а конкурирующие лоточницы – по двадцать. Иногда, если Соньке очень хочется распродать товар побыстрее, она сбавляет цену еще на рубль и выигрывает время на отдых, при этом теряя деньги: этот самый рубль – ее собственная прибыль, остальные восемнадцать рэ идут в бездонный карман хозяйки. Кроме того, у Софи, в отличие от других лоточниц, имеющих дело с круглыми суммами, постоянно напряженка с разменной монетой для сдачи. Поэтому она вынуждена дружить с владельцем игрового клуба Аскером Ачмизовым. Тот лопатой выгребает металлические деньги из своих автоматов, и разменять приятной девушке сотню-другую рублей серебром для него не проблема.

На сей раз один из Аскеровых пятаков Соньке особенно пригодился: она положила его сначала в морозилку, а потом на свой левый глаз, медленно, но верно заплывающий синевой. Фингалом Софи наградила одна из конкуренток, очень недовольная ее финансовой политикой. Таким образом, досрочно распродав свои хачапури по восемнадцать рупий, Софи могла завалиться в койку сразу после обеда и преспокойно спать аж до утра: на приличные развлечения и перспективные ночные знакомства с синяком под глазом рассчитывать не стоило. По этому поводу я выразила соседке сочувствие, которое было тем более искренним, что подкреплялось эгоистической радостью. С таким фонарем Софи не рискнет заигрывать с моим красавчиком. Одной меньше!

В третьем часу пополудни было неописуемо жарко. Мы распахнули настежь дверь, оба окошка и люк на жилой чердак, именуемый голубятней и в полном соответствии с названием заселенный парочкой сладких мальчиков. Левик и Вовик, будущие стилисты-визажисты, учатся в какой-то дорожной парикмахерской школе и в поте лица зарабатывают на следующий курс – день-деньской прямо на пляже плетут всем желающим французские и африканские косички. Тетя Люся с ними в доле. Она выделила мальчикам не только место для ночлега, но также пластмассовый стол, два стула, один большой зонт и «крышу» в лице своего племянника Борьки.

С Левиком и Вовиком мы дружим, с ними занятно иной раз поболтать. К тому же мальчики бесплатно делают нам с Софи невероятные вечерние прически и стильный макияж, при наличии которых даже я с моей умеренной красотой становлюсь заметна в праздничной толпе.

– Может, Левик с Вовиком смогут замазать мой фингал? – без особой надежды мечтала Софи, покачиваясь в продавленной койке, как пират в гамаке. Левое око, накрытое металлическим кружочком, только подчеркивало сходство с одноглазым бандитом. – Я сегодня на пляже таких парней видела – ум-м-м! Объедение! В студенческий спортивный лагерь на новую смену пловцы заехали.

– Не в мужиках счастье, – назидательно сказала наивная Нюня.

– Обычно так говорят про деньги, – заметила Софи.

– Не в деньгах счастье, – учла поправку Нюня.

– Ну, ты даешь! – Софи села в кровати и с изумлением посмотрела на меня единственным здоровым глазом. – И не в деньгах счастье, и не в мужиках! А в чем же тогда?

Нюня задумалась. Тяпа воспользовалась моментом и вылезла со своей версией:

– Счастье, это когда не думаешь ни о деньгах, ни о мужиках, потому что имеешь их сколько хочешь!

– Уж я бы поимела! – мечтательно обронила Софи, рушась обратно в койку.

Она лениво обмахнулась журналом, потом раскрыла его и спросила:

– Ты эту прелесть читала?

– Ага.

Журнальная статья, которую Софи назвала прелестью, мне тоже запомнилась. Автор материала, какая-то модная модельерша, со вкусом рассказывала, что с чем носить и где покупать, а между делом выдавала прелюбопытную мысль. Она сводилась к практическому совету: если вам ужасно хочется приобрести какую-то вещь, а денег на нее в бюджете нет, не огорчайтесь. Смело транжирьте средства, предназначенные для покупки хлеба, сигарет, детского питания и прочих жизненно важных товаров. Образовавшаяся финансовая дыра затянется самопроизвольно, потому что мироздание точно знает, каков ваш прожиточный минимум, и, если вы его просадите не по назначению, добренькое мироздание непременно подбросит вам еще!

Очень понравилась мне идея возложить ответственность за сведение дебета с кредитом на крепкие плечи мироздания!

– Я вот о чем думаю... – Софи беспокойно заворочалась. – Может, это универсальный принцип? Может, он не только на деньги распространяется? Мирозданию-то чего мелочиться, оно великое и потому должно действовать широко, с размахом, ведь правда?

Я посмотрела на соседку с уважением. Чтобы додуматься до такой философской мысли со средним специальным образованием то ли прядильщицы, то ли мотальщицы, нужно быть незаурядной женщиной! Впрочем, я уже знала, что Софи далеко не дура. Дура не смогла бы за лето заколотить на пляже столько денег, чтобы остальные девять месяцев не пухнуть с голоду в своем городе невест с мамой-пенсионеркой и сыном-школьником.

– Что, если применить этот принцип к мужикам? – продолжала фантазировать Софи. – Предположим, мироздание точно знает, что мне жизненно необходим один мужик. Не какой-то конкретный, а вообще один. Одна штука! Это мой прожиточный минимум. И, предположим, я имеющегося в наличии мужика теряю. И что с того? Мироздание-то не дремлет! Оно просто обязано подбросить мне нового парня!

Я вдумалась в сказанное и обрадовалась:

– Значит, не зря я развелась с Сашкой! Может, это за него мне мироздание Ромку выдало!

– Надо мне завязывать с Аскерчиком, – пробормотала Софи. – Только зря место занимает, мирозданию отчетность путает! Глядишь, взамен какого-нибудь толкового мужика получу.

Мы улеглись в койки, замолчали и задумались. Во дворе шуршал шинами велосипед неумолимого Геры, в кустах оглушительно стрекотали цикады, сладко пахли дыни, сложенные горкой под стеной курятника, парусили на окнах застиранные ситцевые занавески. Я глядела в покрытый трещинами потолок и сонно думала: а что, если мой прожиточный минимум – не один мужик, а два? Или даже три? Просто я об этом не знаю, а мироздание вконец захлопоталось и не успевает отоваривать всех баб, как им положено?

– Так надо напомнить о себе! – деловито сказала Тяпа. – Предлагаю немедленно обратиться к уважаемому мирозданию с заявкой. Пусть проверит свои накладные и выяснит, выполняется ли в отношении нас норматив.

– Лучше вежливо попросить! – застенчиво посоветовала Нюня. И первой завела: – Дорогое мироздание! Не будешь ли ты столь любезно...

Под эту оригинальную молитву я и уснула.

Разбудил меня Левик. Он сунул белобрысую голову в окошко и, не разглядев в продавленной кровати меня, обратился к Софи, плечо и бедро которой высились над жесткой рамой провисшей панцирной сетки, как горная гряда над морем:

– Сонечка! Ты белье сняла?

– Да-а, милый, все сняла! – не открывая глаз, томно протянула Софи и с треском и скрипом пружин перевернулась на спину.

– Ой! – сказал Левик, испуганный гостеприимством этой позы и сладострастием, прозвучавшим в голосе моей соседки.

Я хихикнула. Левик, очевидно, хотел напомнить Соньке о необходимости сгонять на бельевую площадку и снять с веревок простыни и наволочки, а она восприняла вопрос в контексте своего эротического сновидения. Левик услышал мое веселое кудахтанье, повернул голову, поморгал, привыкая к сумраку, и обрадовался:

– Танечка, и ты здесь! Я войду?

– Ну войди же, войди! – капризно проныла Софи, нетерпеливо ерзая в постели.

– Что это с ней? – опасливо поинтересовался Левик, бочком-бочком продвигаясь мимо койки нимфоманки к лестнице, ведущей наверх, в голубятню.

– Не обращай внимания, – посоветовала я. – У Софи легкое сотрясение мозга. Ей сегодня глаз подсветили.

– А! Аскер постарался? – Левик, как подружка, был в курсе сердечных дел моей соседки.

– Почему сразу Аскер? – удивилась я.

– Так он нынче ночью отлупцевал половину личного состава «Флориды»! Наташка рыжая с утра пораньше прибежала к нам ссадину на скуле замазывать. Она сегодня в детской комнате дежурит, а вчера у Аскера на кассе сидела и попала под раздачу.

– Аскер этот просто зверь! – проворчала я. – Женщину бить, разве так можно? Не повезло Софи, подложило ей мироздание свинью, ничего не скажешь!

– Кто свинья? – недослышал Левик.

– Аскер, конечно, кто же еще!

Этот Сонькин приятель мне никогда не нравился. По-моему, он бандит. И бизнес у него самый что ни на есть бандитский: игровой клуб, казино и стрип-бар.

– Софи дура, что с ним связалась, – сказал сверху Левик. – И Наташка Рыжая тоже дура, работала бы себе воспитателем в детской комнате при пансионате, никто бы ей морду не бил.

– Все жадность людская! – вздохнула моя Тяпа.

– Ну, зачем вы так? – пристыдила нас Нюня. – Надо же понимать, у людей тут с работой очень плохо, заработать можно только в курортный сезон, вот и хватается народ за все разом.

– А у Наташки Рыжей маленькая дочка и муж-алкоголик, в такой ситуации не только на кассу сядешь, но и в койку ляжешь! – зевнув, сообщила пробудившаяся Софи.

Она с хрустом потянулась, мечтательно прищурилась на потолок и позвала:

– Левик, противный! Ты закрасишь мой фонарь?

– Нет, лапочка! Прости, с твоей красотой мне не справиться! – отозвался Левик.

Сонька вздохнула и возвестила:

– Нет в жизни счастья! – Потом опять вздохнула и просительно посмотрела на меня: – Танька, будь другом, сгоняй в «Рузанну» за бельишком, а? Мне с таким бланшем светиться в приличном месте неохота.

«Рузанна» – это новый оздоровительный комплекс, там все самое лучшее, современное и дорогое. Например, стиральные машины, мощностей которых хватает не только на обслуживание нужд здравницы, но и на нелегальные постирушки постельного белья для половины местных тетушек, пускающих постояльцев. Наша тетя Люся устроилась не хуже других людей, простыни и наволочки за ее гостями за умеренную плату стирает прачка «Рузанны», а разве-

шивает, снимает с веревок и утюжит бельишко наша Софи, за это тетя Люся приплачивает ей еще какие-то копейки.

Софи ходит в «Рузанну» в самом нарядном своем платье и лучших босоножках: все надеется мимоходом заарканить какого-нибудь богатенького дядечку из числа тамошних отдыхающих. Я глупо пижонить не люблю. На территорию «Рузанны» милым образом можно попасть прямо с тети-Люсиного двора, если хорошенько сплющиться и протиснуться между прутьями решетки. Такое упражнение лучше проделывать в спортивной форме, так что обула я кеды, а оделась в шортики и маечку. Втянула живот, без особого труда пролезла через решетку, легким спортивным бегом протрусилась на площадку в тылу роскошного административного корпуса и принялась снимать с веревок сухие простыни с чернильной монограммой «ТЛ» («Тетя Люся», ясное дело!). К сожалению, с большой стопкой чистого белья в руках проделать акробатический этюд с решеткой было бы затруднительно, поэтому в обратный путь я пустилась по мощеной дорожке, петляющей по территории комплекса. Никто на меня внимания не обращал, да и я по сторонам не глазела, вышла из «Рузанны» и целеустремленно зашагала по пыльной поселковой улице. Уже почти дошла до нашего двора, и вдруг...

Дверца автомобиля, который я обходила по узкому проходу между черным боком машины и облупившимся забором, распахнулась прямо передо мной. Не успев затормозить, я врезалась в нее, башня из простыней развалилась на составные части, и чистое постельное белье с монограммой «ТЛ» посыпалось на грязную мостовую.

– Козел-собака! – согласно охнули Тяпа и Нюня, а я обреченно закрыла глаза, представив, что скажет мне тетя Люся и как посмотрит на меня Софи, которую хозяйка непременно оштрафует за ущерб, нанесенный ее имуществу.

– О, простите! – виновато произнес мужской голос.

– Как же! – прошипели мы с Тяпой, выпуская когти и загибая пальцы крючочками.

Таким образом, первым делом я открыла рот, а уже потом глаза, однако последовательность могла быть и обратной. Если бы я сначала взглянула на этого парня, то и рот затем разинула бы совершенно точно: такого красивого мужика я в жизни не видела! Даже в кино! Даже во сне! Даже на разворотах «Плейбоя»!

Это был брюнет с умопомрачительными синими глазами, какие мне прежде доводилось видеть только у дорогих говорящих кукол. Представляете себе Кена в человеческий рост? Широкоплечего, длинноногого, с узкими бедрами? И вся эта нечеловеческая красота была упакована в нежно-голубой костюм, который его владелец совершенно не жалел: он обрушился коленками в дорожную пыль и принялся собирать тети-Люсины простыни.

– Встаньте! – повелела я голосом королевы Английской (дряхлая Елизаветы, со старческими хрипами). Горло от волнения перехватило, руки задрожали, роняя последние чистые простыни. – Сами-то хоть не пачкайтесь!

– Простите меня, ради бога! – взмолился он, стоя на коленях и глядя на меня снизу вверх изумительными сапфировыми очами.

– Прощаю! – единогласно постановили Тяпа и Нюня.

– Я-то вас прощаю, а вот меня кто простит? – добавила я от себя. – Софи разобидится, а тетя Люся на нас обеих такую епитимью наложит, что мало не покажется. Триста раз «Отче наш» и бесплатный сбор камней до скончания лета...

– Вы что, монашка? – растерялся брюнет.

– Ах, если бы! – вздохнула Нюня.

– Слава богу! – он размашисто перекрестился, и Тяпа моя не удержалась, спросила:

– А вы не монах?

– Опять же, слава богу! – незнакомец запоздало оценил, как комично выглядит наша благостная беседа над поруганными простынями, улыбнулся и встал, оказавшись выше меня почти на голову.

Мой смятенный взгляд застрял в ямочке его подбородка. Брюнет взял меня за руки, освободившиеся от груза простыней. Нюня тихо застонала, а Тяпа шепотом шикнула:

– Изыди, сатана!

Обаятельно улыбающийся брюнет в паре со мной мог позировать для нравоучительной картины «Бес-искуситель, явившийся слабой грешнице Татиане». Мне бы крикнуть: «Чур меня!» – и опрометью умчаться куда подальше, но я никогда не отличалась быстротой реакции. Я бы, чего доброго, шлепнулась обессиленно на кстати разбросанные простыни, но тут в происходящее вмешался новый персонаж.

– Эй, парень! – грубым голосом крикнул водитель «Волги», из которой вылез брюнет. – Ты сначала за такси заплати, а уж потом курортный роман закручивай! Быстрый какой!

– Прошу прощения! – Брюнет выпустил мои руки, полез в карман и отвернулся к таксисту.

– Драпаем! – постановила Тяпа.

Я быстро сгрела в кучу простыни и наволочки и с ворохом белья в охапку засемила прочь.

– Девушка, стойте! – Брюнет догнал меня у самых ворот.

Действительно, быстрый!

– Слушайте, что вам от меня нужно? – сердито спросила я. – Хотите окончательно испортить мою молодую жизнь? Уйдите прочь, а то я Борьку позову.

Борька – это тети-Люсин великовозрастный племянник, кажется, я о нем уже упоминала. Он в нашем сложном хозяйстве осуществляет функции охранника и с большим удовольствием учит хорошим манерам не в меру пристающих кавалеров тети-Люсиных работниц. Уроки Борька проводит в доходчивой форме мордобоя, а кулаки у него пудовые, так что желающих повторить пройденное на моей памяти не было.

– Борька – ваш муж? Нет? Друг? Тоже нет? Тогда пусть идет к чертовой бабушке! – самоуверенно молвил брюнет. – Девушка!

– Таня, – буркнула я.

– Дима! – тут же представился он. – Таня, я невольно нанес вам ущерб, я должен его возместить.

– Как вы его возместите? Срочно перестираете испачканное белье? – съязвила я.

Зря сомневалась! Дима оказался не только благороден, но также умен, сметлив и предприимчив. На выяснение всех обстоятельств, сопутствующих поступлению в тети-Люсино хозяйство чистого постельного белья, Дима потратил меньше двух минут. А еще через четверть часа мы с ним сидели на лавочке в тени древнего деревянного грибочка, оживленно болтая под шум могучей стиралки с сушкой. Прачка Антонина, получившая за сверхурочную работу триста рублей, поглядывала на нас в открытую дверь с ласковым умилением.

– Куда ты запропастилась?! – набросилась на меня Софи, когда я неверной поступью припадочной и с блаженной улыбкой тронутой вошла в наш курятник, крепко обнимая стопку белья, выстиранного и высушенного чудесной стиралкой «Рузанны» в рекордные сроки. – Тетя Люся уже спрашивала комплект белья! Я не знала, что делать!

– А ничего не надо делать! – заявила я, положив простыни на стол, после чего закинула руки за голову и рухнула в койку, приветствовавшую мое прибытие восторженным скрипом. – Самое прекрасное и удивительное в том, что нам ничего не надо делать самим! Ты была абсолютно права в своей догадке! Оно все держит под контролем!

– Кто – оно? ЦРУ?

– Мироздание! – Я села в постели и оживленно поведала: – После нашего с тобой разговора я мысленно попросила мироздание уточнить, каков мой женский прожиточный минимум, и при наличии резервов выдать мне больше, чем одного мужика. И что же?

– Что? – эхом отозвалась Софи.

– Посмотри в окошко! – победно сказала я.

Сонька тут же сунула голову за занавеску и ахнула:

– Мать честная! Какой мужчина! Танька, кто это?

– Думаю, это вторая половина моего прожиточного минимума, – скромно ответила я.

– А я? А мне? – завистливо закудаhtала Софи.

– Все вопросы к мирозданию! – веско ответила я и одним движением выбросила себя из койки.

Дима в самых изысканных выражениях пригласил меня с ним отужинать, и я не видела причин для отказа. Надо было только поспешить, чтобы успеть принять душ до возвращения с работы наших соседок-булочниц, которые после целого дня пребывания в адской жаре пекарни отмокают в душевой до темноты.

Вспенивая на голове шампунь, я фальшиво напевала. Тяпа и Нюня песню не портили, помалкивали: размышляли. Первой дала о себе знать моя нахальная составляющая:

– А третьим у нас будет кареглазый блондин! – неожиданно заявила Тяпа, и я захлебнулась мыльной водой.

– У нас уже есть зеленоглазый рыжий, есть брюнет с синими глазами, до полноты коллекции редкостей не хватает только светловолосого красавца с темными очами! – объяснила Тяпа.

– Такая коллекция называется гаремом! – отплевавшись, со смешком сказала я.

– Как ты можешь! – застеснялась Нюня то ли моего ехидства, то ли Тяпиных appetитов.

– Да ладно! Все могут, – заявила Тяпа.

Я не поняла, кого она имела в виду: всех женщин мира или только нас троих, но уточнять и дискутировать не стала. Честно говоря, идея заполучить в частнособственное пользование аж трех красавцев-мужчин мне не то чтобы нравилась: ну, скажем, она не вызывала у меня непреодолимого отвращения.

– Слышишь, мироздание? Даешь гарем! – весело потребовала моя нахалка.

– Но ведь ни Диму, ни Рому мы пока что не можем считать своими! – напомнила Нюня.

Это было резонное замечание, и Тяпа призадумалась. Таким образом, последнее слово осталось за нашей скромницей, и я спокойно домыла голову.

– Та-анечка! Да ты красавица! – преувеличенно восторженно запел брюнет, когда я выплыла к нему на каблуках и в любимом платье Нюни (белом кисейном), жестоко укороченном до супермини по требованию Тяпы. – Такую девушку куда попало не поведешь. Где тут у вас самый лучший дорогой ресторан?

– Он враль и льстец! – шепнула Тяпа.

– Галантный кавалер! – мурлыкнула Нюня.

– Дима, – озабоченно сказала я, – я не знаю, где тут самый лучший ресторан, но самое дорогое заведение в поселке – это стрип-бар «Флорида». Только мы туда не пойдем. Начинать ночной загул ранним вечером – это моветон, кроме того, у тебя нет на это времени. Тебе же еще с жильем определиться надо.

– Я уже определился! – Дима прижал руку к сердцу и послал ослепительную улыбку тете Люсе, величественно прошествовавшей по двору.

– Ты будешь жить в нашем шанхае?! В таком костюме?! – понизив голос, ужаснулась я, имея в виду, что владелец пижонского наряда наверняка может позволить себе номер в той же «Рузанне».

– Если тебе не нравится этот костюм, я могу переодеться, – не понял моих резонов красавец-брюнет.

– Пока не надо, – сказала я и повела его на экскурсию по местным заведениям общепита.

Ориентируясь на интерьер, Дима выбрал кафе «Бригантина». Надо сказать, черноволосый красавец в белой рубашке (голубой пиджак он снял) шикарно смотрелся на фоне деко-

ративных мачт и бегучего такелажа. Капитан Блад, только без сабли! Впрочем, с некоторой натяжкой за клинок мог сойти столовый нож.

– Что ты пристала к нему с этим костюмом? Может, мальчик на самом деле беден, а шикарный наряд взял напрокат? – запоздало вступилась за брюнета сердобольная Нюня.

– Что значит – беден? – заволновалась Тяпа. – Нам оборванцы не нужны!

А я вспомнила о своем первом оборванце – бывшем миллионере Роме. Как он там управляет с сачком и ведром? Ел ли манку? Надо бы убедиться, что мой первенец не бедствует. Я тут же решила, что ужин с Димой затягивать не буду, лучше разобью его на два акта и в антракте сбегая проведу Рому.

– Что имеется в виду под двумя актами? – тут же привязалась неугомонная Тяпа. – Это то, о чем я думаю?

– Ну нельзя же так сразу! – взмолилась стыдливая Нюня.

– Сразу не будем, – пообещала я.

– Сначала очередность установим? – съязвила Тяпа.

– Сначала убедимся, что два красавца – это не случайное завихрение судьбы, а наша кровная пайка!

Признаться, меня немного тревожил внезапный и острый интерес, проявленный к обычной девушке сразу двумя сказочными красавцами. Я же не Софи Лорен! Ладно, предположим, к Роме я первая подошла, не привяжись я к нему с искусственным дыханием, он как пить дать проспал бы мое появление. Но в случае с Димой инициатива знакомства исходила не от меня! Он сам прицепился как репей! С чего бы? Может, это кипа постельного белья в моих руках ассоциативно подстегнула мужской интерес?

– А может, это просто любовь с первого взгляда? – робко вымолвила Нюня.

– Слушайте, в чем дело? – рассердилась Тяпа. – В конце концов, кто лучше знает, как составить идеальную пару, мы или мироздание? Ему сверху виднее! Если парни на нас запали, значит, так надо!

– Пара – это двое! – кротко напомнила Нюня.

– А три – счастливое число! – парировала Тяпа. – Короче, хватит дергаться, пока Дима не раздумал очаровывать дуру, не способную радоваться своему счастью!

Дима и в самом деле старался вовсю. Пока я отвлекалась на напряженную внутреннюю конференцию с Тяпой и Нюней, он пытался вести со мной непринужденную беседу (каюсь, я была невнимательна и немногословна), попутно посылая мне ласковые улыбки и нежные взгляды, которые не в полном объеме доходили по адресу. В конце концов брюнет догадался, что я чем-то сильно озабочена.

– Танечка, что тебя тревожит? – ласково спросил он, положив руку поверх моей.

Пришлось соврать, что мне нужно уйти из-за срочного дела, невыполнение которого грозит серьезными санкциями со стороны тети Люси.

– Нет-нет, провожать меня не надо, я сама! – сказала я кавалеру. – Увидимся позже.

– Что ж, иди! – вздохнул Дима, с печалью взирая на то, как я складываю салфетку и встаю со стула. – Я понимаю, что такое «надо», сам деловой человек.

– Да, кстати, а чем ты занимаешься? – обернувшись, запоздало поинтересовалась я.

– Я же тебе рассказал! – удивился он.

– Ах да! – Я размашисто хлопнула себя по лбу и торопливо зашагала к выходу из ресторана, чувствуя себя душой даже не в квадрате, а в кубе.

Интересно, что он мне рассказывал? Ничего не запомнила!

Глава 3

Закон Табурета

Дима оказался переборчив, и в поисках заведения, соответствующего его требованиям, мы прошли от одного конца набережной до другого. Теперь мне предстояло пробежаться в обратном направлении, что проще сказать, чем сделать. В начале девятого на набережную выдвигается праздничношатающаяся публика, образуя вялотекущую и вихрящуюся водоворотами толпу, которую наглядно можно представить в виде плотного косяка скумбрий, каждая из которых внезапно обрела самостоятельность.

Я не умею и не люблю эффективно толкаться локтями, еще меньше мне нравится, когда эффективно толкают меня, поэтому больших скоплений народа я стараюсь избегать. Нырять в толпу, чтобы доплыть до лестницы, мне не хотелось.

– Так ведь можно пройти напрямик через лес! – подсказала предприимчивая Тяпа. – «Жемчужный колос» как раз наверху, в гору ведет утоптанная тропинка, по ней даже на каблуках подняться можно. Шагом марш!

– Там темно! – испугалась Нюня.

– Не темно, а всего лишь сумрачно! – поправила Тяпа. – До настоящей темноты еще больше часа, а идти до санатория каких-то десять минут. Дима еще не успеет уйти из кафе, а мы уже вернемся со свиданья с Ромой. Ну же, вперед! Чтобы удержать сразу двух красавцев-мужчин, придется попотеть!

– Двух или трех? – спросила Нюня.

Она у меня застенчивая, но любопытная.

– По-моему, построить устойчивые отношения сразу с тремя красавцами просто нереально! – заявила я, начиная подъем по хорошо утоптанной, но довольно крутой тропинке.

– Ты что, физику забыла? – накинулась на меня Тяпа. – Конструкции с тремя точками опоры – самые устойчивые! Закон Табурета!

– Мы что хотим построить? Табуретку или ячейку общества? – спросила Нюня, как мне показалось, преувеличенно кротко.

Я прислушалась, проверяя, не померещились ли мне в голосе моей рохли отчетливые нотки ехидства, но услышала совсем другой звук: позади меня громко хрустнула ветка. Я остановилась на одной ноге и обратилась в слух. За кустами, мимо которых я недавно прошла, послышалось шебуршание, наводящее на неприятные мысли о крупных пресмыкающихся.

– Интересно, с какой скоростью передвигаются кобры? – дрожащим голосом спросила Нюня.

Могло показаться, что это ее любопытство совершенно некстати, но я прекрасно поняла, к чему такой вопрос. Еще в детстве я читала в научно-популярном журнале «Знание – сила» о смелой задумке советских зоологов. В Сухумском заповеднике они хотели выпустить на волю кобр, которые когда-то обитали в субтропиках Кавказа, но были поголовно истреблены. Я не знала, состоялся ли этот эксперимент, но до Сухуми каких-то триста километров, за пятнадцать лет не то что кобры – даже улитки смогли бы доползти.

– Замри! – велела Тяпа.

Я замерла, окоченела, превратилась в столб. Шуршание явно приближалось! Я с ужасом всматривалась в лесной сумрак, но пока никого не видела. Вдруг за поворотом тропинки послышалось тонкое, как стон лопнувшей струны, «трень» оборванной лианы и сразу за ним – приглушенный шум падения и тихое «Твою мать!». Я тут же перестала бояться кобр, ибо даже экспериментальные змеи не ругаются матом.

– Это кто там? – отважно крикнула я с подачи Тяпы.

Всякие звуки мгновенно смолкли, что мне очень не понравилось. Впрочем, сообщать об этом вслух я не стала и припустила по тропинке, без разбору топча модными деревянными каблуками колючки и хвощи. Добежала до следующего поворота и под прикрытием дерева, вывороченного зимней бурей с корнем, сиганула в сторону прыжком, которому позавидовала бы серна. Угодила в присыпанную прелыми листьями яму, подвернула ногу, но мужественно сдержала стон, присела, словно по нужде, и замерла, глядя на покинутую тропинку сквозь перепутанные ветки. Через несколько томительных мгновений на тропинке показался незнакомый мне человек – невысокий коренастый мужчина в обрезанных по колено джинсах и темной майке-борцовке. Смутная надежда на то, что это галантный кавалер Дима не усидел за столиком и увязался за мной в качестве тайного провожатого, не оправдалась. Оставалось надеяться, что передо мной случайный путник, который мирно следует тем же путем, что и я, по собственной необходимости.

Незнакомец шел осторожно, то и дело замедляя шаг, останавливаясь и прислушиваясь. Когда он замер напротив моего естественного укрытия, я едва не обмочилась от страха, но действовала не раздумывая. Рука сама собой нащупала на земле желудь и бросила его подальше. Угодив в плотный куст, маленький желудь прошуршал сквозь листья не хуже большой кобры! Подозрительный тип на тропинке встрепенулся и двинулся вперед.

Я пропустила его, выждала полминуты, а потом проворно вылезла из укрытия и полетела по тропинке в другую сторону, нисколько не думая о соблюдении тишины. Цепкие колючки я обрывала, камни перепрыгивала, а петли тропы спрямляла прыжками и примчала бы к «Бригантине», побив мировые рекорды и по бегу, и по спортивному ориентированию, если бы мне не помешали.

Человек выступил из-за дерева так неожиданно, что я не успела уклониться и врубилась в него, как скорый поезд в грузовик, застрявший на переезде. Он вынужденно сделал несколько шагов назад, но удержался на ногах, не упал, хотя тропинка круто шла под уклон и покатиться с горки в такой ситуации ничего не стоило. Удивительная устойчивость парня произвела на меня не меньшее впечатление, чем само его неожиданное появление. Мне мгновенно вспомнилась Тяпина болтовня про крепкие конструкции с тремя точками опоры, и именно поэтому я произнесла не наиболее естественные в данном случае ругательства, а вполне цензурные слова:

– Тьфу, т-табурет!

Впоследствии Тяпа на основании этого утверждала, что мы с ней обладаем провидческими способностями. Это полная ерунда! Следующего потрясения я вовсе не ожидала, оно застало меня врасплох, и слава богу: в противном случае мы с Нюней не замедлили бы огласить лес таким воплем, который был бы слышен и в Сухуми.

– Тихо, тихо! Нет никакого табурета! – быстро придвигаясь ко мне, сказал незнакомец с уверенностью киношного сверхчеловека Нео, осознавшего, что ложки не существует.

А я и не спорила. Я в этот момент поверила бы во что угодно, ибо только что узрела чудо. То есть повстречай я *симпатичного светловолосого парня с темными глазами* в другое время и в другом месте, я бы не придавала этому особого значения. Но увидеть перед собой кареглазого блондина сейчас, после болтовни о третьем экспонате моей частной коллекции красавцев, – это впечатляло! Причем я ведь его не просто увидела, я буквально столкнулась с ним! И где? В лесу, где плотность населения равняется одному ежу на квадратный километр! Право, народные депутаты могли бы поучиться у мироздания чуткости к наказаниям трудящихся и оперативности их исполнения!

– Вы кто? – ошеломленно спросила я.

Ответ блондин что-нибудь вроде: «Я твой суженый-ряженный номер три!», я бы поверила, но он скромно сказал:

– Я Вася.

И сразу после этого сгреб меня в объятия, наградил пламенным поцелуем, грамотно подрубил ноги хорошей футбольной подсечкой и мягко уронил нас обоих на травяную кочку, заняв VIP-место сверху. Обиднее всего было, что при этом он называл меня своей милой Катенькой! Видно, обознался.

Некоторое время я вынужденно терпела пламенные лобзания, предназначенные совсем другой особе, так как не могла ни оттолкнуть подслеповатого придурка, ни выползти из-под него. Потом Тяпа с Ньюней, объединив усилия, открыли второй фронт, и мне удалось очень удачно заехать Васе коленом туда, куда меня учила целиться в таких случаях бывалая Райка Лебзон, большое спасибо ей за ценную школу. Вася ойкнул, ослабил хватку и перестал затягивать в себя мои губы и часть щеки, как медицинская банка.

– Ну и что, что Вася?! – гневно вскричала моя Тяпа, едва я вырвалась из плена. – Делать мне больше нечего, кроме как с первым встречным Васей целоваться! Да у нас в стране таких Вась с миллион наберется, всех не перецелуешь!

– Да и не Катя я вовсе, – слегка виновато промямлила Ньюня.

– Простите, пожалуйста! – выдал из себя блондин. – Клянусь, я не хотел вас напугать!

Поскольку при этом он продолжал прижимать руки к тому месту, которым мужики дорожат, как самой большой святыней, я ему поверила. Но моя настырная Тяпа потребовала уточнения:

– Напугать вы нас не хотели, а чего хотели? Изнасиловать?

– Спаси! – сердито выдохнул блондин.

– Принудительно снять венец безбрачия? – съехидничала я. – У-у-у, маньяк!

Маньяка я у мироздания не просила и дорожить сим сомнительным подарком не собиралась. Я несильно пнула негодя в бок, он попытался ухватить меня за щиколотку, я увернулась, взвизгнула, прыгнула на тропинку и побежала вниз, рискуя полететь с горки кувырком. К счастью, по обе стороны тропинки росли превосходные амортизирующие кустики, так что на набережную я выкатилась без переломов.

Димы за столиком в кафе не было, и я не стала притормаживать у «Бригантины». Нет Димы – пойду к Роме! На променаде уже бурлила толпа. Я пробежала сквозь нее по затейливой волнообразной кривой, отшатываясь от встречных мужчин, в каждом из которых видела маньяка. Птицей взлетела по лестнице, не сделав остановки даже на предпоследней площадке, где обычно сгибаюсь, унимая колотье в боку. Прилетела в «Жемчужный колос», с трудом затормозила на краю бассейна, огляделась по сторонам – никого! Водоем был пуст, шезлонги и зонты убраны, на газоне между кустами персидской сирени высилась табличка на журавлиной ноге: «Извините, купание запрещено. Проводится фильтрация воды». Надо полагать, вода чудесным образом фильтровалась сама собой, без всякого участия в процессе человека с сачком.

– А непыльную работенку тетя Люся парню нашла! – не без зависти заметила Тяпа.

– Каждый человек имеет право на труд и право на отдых! – примирительно сказала Ньюня.

Для отдыха и ночного сна Роме отвели дощатый домик вроде скворечника, только наземного. Это архитектурное излишество располагалось в самом глухом закоулке территории «Жемчужного колоса», между площадкой для сушки белья и скопищем покосившихся турников и брусев, полускрытых травой, по которой давно уже не ступала нога человека. Простые физкультурные упражнения гости санатория не жаловали. Я не поленилась прогуляться к домику и обнаружила, что света в окошке нет, а дверь закрыта на замок. Замок был наружный, висячий, так что мысль о том, что Рома, утомленный своим первым рабочим днем, заперся внутри и отсыпается перед грядущими трудовыми подвигами, я отвергла.

– Наверное, он пошел подышать свежим воздухом перед сном, – предположила Ньюня.

– Наверное, он пошел развлекаться с другими бабами! – не согласилась с ней Тяпа. – А наша-то дурочка осталась на бобах! Вот что бывает с теми, кто гонится сразу за двумя плейбойскими зайцами!

– А кто меня подзуживал?! – обиделась я.

– Я говорила, что нам нужны не два, а три мужика! – отбилась нахалка. – Сейчас было бы с кем погулять!

– Дура! – обругала я сама себя.

Слоняться по поселку в поисках Ромы (или Димы) мне не хотелось. Можно ведь элементарно разминуться! В надежде, что Рома (или Дима) сам меня найдет, я побрела в свой курятник.

Софи моему приходу ужасно обрадовалась.

– А тебя Дима спрашивал! – объявила она, отложив в сторону глянцевый журнал. – Я посоветовала ему поискать тебя у Ромы. Вы не встретились?

– Ага, встретились. Кавалеры сошлись в поединке, пронзили друг друга шпагами, и я не досталась никому. Ты это хотела услышать? – Я сбросила измазанные лесной грязью босоножки и устало упала в койку.

– Что-то в этом роде, – Софи довольно хохотнула и снова взяла журнал. – Вижу, ничего страшного не случилось.

– Если не считать того, что на меня напал маньяк!

– Где?! – Софи привстала в койке, словно намеревалась умчаться в охотничьи угодья маньяка сразу же, как только я сообщу ей нужные координаты.

– В лесу, на тропинке, которую протоптали отдыхающие «Жемчужного колоса».

– И что? И как? – продолжала любопытствовать соседка.

– Выпрыгнул из-за дерева, схватил меня, повалил на землю и ну целовать взсос!

– А ты?

– А я больно ранила его мужскую гордость коленом, вырвалась и убежала.

– Вот это ты зря, – немного подумав, сурово сказала Софи.

– Зря я вырвалась? – удивилась я. – Ну, извини меня, дорогая, я не могу без предварительных ласк и в особенности – без предварительного знакомства.

– Это твое личное дело, – кивнула она. – У каждого, как говорится, свои тараканы! Не нравится тебе, когда вот так сразу, – не ешь. В смысле, не спи. Но зачем же бить коленом по мужскому достоинству? Что, если ты оставила беденького маньяка без орудия труда? Нехорошо это с твоей стороны. Ни себе, ни людям!

– Сонь, у тебя нет еврейской бабушки? – язвительно спросила я. – Нет? Жалко. Ты могла бы эмигрировать в Израиль, у меня там однокурсница живет, в борделе трудится, я бы дала тебе рекомендательное письмо. Очень подходящая для тебя работа, гораздо лучше, чем хачапури на пляже продавать!

– Нет, я за деньги не могу! – гордо ответила Софи.

– Тогда иди в политику, – сонным голосом посоветовала я. – Активисткой движения «За посильную гуманитарную помощь сексуально голодающему населению».

Соседка ничего не ответила – то ли обиделась, то ли обдумывала мою идею. В тишине, нарушаемой только стрекотанием кузнечиков, я уснула, но спала отнюдь не спокойно. Сонькина сексуальная озабоченность оказалась инфекционной. Наверное, раньше у меня иммунитет к этой заразе был крепче, а теперь он резко понизился, и злые бактерии крепко взяли меня за горло и разные иные места.

Снились мне тугие объятия, жаркие поцелуи и тому подобная нервнирующая муть. Кавалера своего я не видела (муть была темная, практически беспросветная) и оттого раскрепостилась, как запорожское казачество перед лицом турецкого султана, за которого вполне мог сойти мой сладострастный партнер. Одна лишь мысль отравляла мне удовольствие: было у меня опасение, что султан принимает меня за другую. Очень боялась я, что он в пиковый момент бестактно назовет меня Катей! Оттого-то, услышав «Таня, Таня!», я так обрадовалась, что аж проснулась.

Вовремя я это сделала! Оказалось, что у меня гость и принимаю я его, как мадам Помпадур, в будуаре, в развратном виде: простынка, которой я укрылась с вечера, сползла и скомкалась, ночная сорочка перекрутилась и задралась до тазобедренных суставов. Пожалуй, Помпадурша выглядела поприличнее!

– Таня! Таня! – Взывая ко мне драматическим шепотом, в распахнутом окне маячила темная тень.

– Ой, кто это?! – испуганно пискнула я, поспешно оправляя на себе ночнушку.

– Это я, – сказала тень, ничего этим признанием не прояснив.

Я села в постели, проморгалась, взгляделась, напрягая зрение, в темное окно и узнала в ночном госте Рому. Точнее, я узнала свою собственную футболку с логотипом бутика «Манго», оттиснутым светящейся краской.

– Я сейчас! – пообещала я, спуская ноги с кровати.

– Лежи, лежи! – зашептал Рома. – Я только хотел убедиться, что с тобой все в порядке!

– Если не считать того, что меня мучат эротические сновидения, – пробормотала я, но он меня не услышал.

Рома исчез. Оконный проем опустел, только потревоженные занавески покачивались, как незадернутый занавес.

– И зачем будил? – опешила Тяпа. – Только зря раздражил! Да еще эротический сон оборвал на самом интересном месте!

С минуту я с недоверчивым изумлением таращилась на открытое окно, потом плюнула, снова улеглась и почти сразу же услышала:

– Танечка! Танечка!

– Опять ты? – я снова села.

– Почему опять? – Занавески разлетелись в стороны, пропуская перегнувшегося через подоконник Диму. Брюнет был сердит. – Это он? Он был тут? Ты была с ним? Ты ушла от меня к нему?

В раздражении он закачался туда-сюда, как кланяющийся Петрушка. Ну, кукольный театр, да и только!

– Ни с кем я не была! – прошипела я, не сумев в полной мере скрыть своего сожаления по этому поводу.

– Где он, этот негодяй? – качнувшись ко мне, с чувством прошептал Дима.

Я не успела спросить, к кому и на каком основании он меня ревнует: брюнет тоже исчез! Правда, на этот раз мне удалось заметить пару крепких рук, которые выдержали Диму из окна, как репку.

А секундой позже в окно сунулась белобрысая голова лесного маньяка:

– Таня, вы в норме?

Я только глупо хлопнула глазами. Раскрыла рот, но с ответом не спешила. И правильно: блондин тоже исчез! Занавески заметались, захлопали, как оборванные паруса, а за окном послышался шум борьбы и яростный шепот:

– Что, двое на одного?!

Кто-то придушенно матерился, кто-то хрипло пробасил:

– Вот сволочь!

Слышались шорохи, глухие звуки ударов и напряженное сопение. При этом на сцене никого не было видно!

– Театр теней, блин! – пробормотала я, с трудом вылезая из продавленной койки. – Эй, господа хорошие, угомонитесь!

Осторожно, чтобы ненароком не поучаствовать в потасовке, я высунулась в окно и увидела только примятую траву и раскатившиеся по ней дыни. Один желтый шар был растоптан в кашу, на ней явственно отпечаталась подошва башмака. Рисунок был необычный, памятный с

детства – точь-в-точь решеточка для игры в крестики-нолики. В среднем квадратике подобием нолика вспучился пузырь – наверное, на этом месте в подошве была каверна.

– Нолик и есть! – раздраженно сказала моя Тяпа, думая о своем, о женском. – Было густо, стало пусто! Ни одного мужика не осталось!

– Надеюсь, они не убьют друг друга! – с ужасом и восхищением воскликнула романтическая Нюня.

А я вспомнила, как перед сном язвила по поводу кавалеров, взаимоуничтожающихся на дуэли, и поежилась. Мироздание у нас, конечно, чуткое, но зачем же бережно воссоздавать мои собственные дурацкие сценарии? Надо признать, что яхватила через край уже тогда, когда размечталась о третьем экспонате своей коллекции. Мне только теперь пришла в голову дельная поправка к закону Табурета, гласящая, что трехногий стул, установленный на неровной поверхности, будет вполне устойчив, но надежно зафиксироваться на его перекошенном сиденье удастся только при наличии на попе крепких присосок! Присосок у меня не было, и просить их у чрезмерно доброго мироздания я опасалась. Выдаст ведь, и куда я потом с таким украшением?

– Мало ли чего дура баба попросит! – в грубой форме выразила мои мысли прямолинейная Тяпа. – На то оно и мироздание, чтобы идиотские заявки отсеивать!

– Ничего, дуэлей на троих не бывает, – постаралась успокоить меня Нюня.

– Точно! – обрадовалась бессердечная Тяпа. – Значит, хоть один кавалер да уцелеет! Заодно и проблема выбора отпадет.

Ничего более оптимистичного мне в голову не пришло, с тем я и вернулась в свою одинокую постель. Прежде чем улечься, я бросила исполненный робкой надежды взгляд в окошко с Сонькиной стороны – не вернется ли кто-нибудь из моих красавцев? Заметила фигуру в широких штанах, успела возрадоваться скорому исполнению своих тайных желаний, но узнала в ночном страннике тети-Люсиного внука Геру и снова приуныла. То есть за Геру-то я порадовалась: растет Экстремальчик, взрослеет, активную ночную жизнь ведет! Плохо, что я отстаю, хотя выросла уже вполне большая и чувствую себя почти такой же взрослой, как старуха Изергиль.

Досмотреть оборванный эротический сон не удалось. Мне, правда, снились красивые мужчины – мушкетеры и гвардейцы кардинала, но сама я была не Констанцией и не Миледи, а безымянной монахиней, которая только и делала, что перевязывала раненых дуэлянтов – блондинов, брюнетов и рыжих. Нюне эта благородная роль понравилась, а Тяпа до утра в самых нечестивых выражениях проклинала закон Табурета, суровый и неумолимый, как Уголовный кодекс.

Глава 4

Головоломное дело

Проснулась я позже всех. Чуть свет ушли в пекарню тетки-булочницы, упорхнули на свою парикмахерскую барщину Левик с Вовиком, и даже Софи удалилась. С ней пропали и мои солнечные очки в стиле Черепахи из мультика про Львенка, который лежал на солнышке и на него же глядел. Из этого я сделала вывод, что Сонька вернулась в хачапурный бизнес, а окуляры мои нацепила, чтобы не отпугивать покупателей своим роскошным фингалом.

Мне тоже давно следовало быть на пляже: сегодня я должна была закончить сбор стекло-материалов для тети-Люсиного художника. Работать не хотелось. Вообще ничего не хотелось, разве что спрятаться с головой под одеяло и уснуть летаргическим сном. Настроение после бурно проведенной ночи было скверное («Не так я мыслила себе бурную ночь с тремя красавцами!» – с горечью сказала Тяпа). Нюня, едва пробудившись, занялась самобичеванием. Мол, нечего мироздание винить, коли сама по натуре развратница! Давить надо греховные помыслы, а не озвучивать их с просительными интонациями!

Чтобы не слышать раздраженного ворчания Тяпы и покаянного монолога Нюни, я включила плеер. Не так давно я открыла для себя такое чудо, как аудиокниги, и привезла с собой на море целую библиотеку в цифровом формате. Подумав, я выбрала для прослушивания «Властелина колец», произведение давно знакомое, но все равно интересное, а главное – в смысле сюжета бесконечно далекое от моей текущей реальности. Под впечатлением последних событий в голове моей вываривались все новые поправки к Закону Табурета, а мне очень не хотелось заниматься законотворческой деятельностью.

Закупорив уши наушниками, я взяла ведро и пошла к морю. Под эпический сказ о хоббитах и эльфах стала собирать бутылочные изумруды и вскоре почувствовала себя более или менее фригидным трудягой-гномом.

Отдыхающие, толпами бегающие в море и из него, затрудняли мне работу: Нюне было неловко выхватывать стекляшки из-под ног купальщиков, но я проявила твердость и заставила свою рохлю молчать. Дело спорилось, ведро медленно, но верно наполнялось.

Часто кланяясь волнам, я дошла почти до середины пляжа, прежде чем поняла, что творится что-то неладное. Люди уже не лежали спокойно в шезлонгах и на подстилках, они вскакивали на ноги, вытягивали шеи и смотрели на что-то, чего я за чужими спинами не видела. Поскольку разговоры и перешептывания окружающих за увлекательным сказанием о хоббитах и эльфах были мне не слышны, я не понимала, чем вызвано нездоровое оживление. Ясно было, впрочем, что массовое волнение далеко от радостного, на лицах граждан явственно читались страх и тревога.

В последний раз нечто подобное наблюдалось неделю назад, когда у пляжного фотографа сбежал крокодил. Прошел панический слух о том, что бесхозный аллигатор плавает в бухте, и перепуганные купальщики начали выбрасываться на берег стаями, как больные тюлени. Прежде чем беглый крокодил нашелся в куче сырых полотенец под ближайшим зонтом, бдительные спасатели на пляже «Рузанны» успели начать эвакуацию отдыхающих.

Любопытствуя узнать, что происходит на сей раз, я выключила плеер и освободила ушные раковины от вложений.

– Кошмар какой! – тут же громко ахнула мне в ухо толстая женщина, прижимающая к себе мальчишку лет десяти.

Пацан хмурился, а мамаша возбужденно блестела глазами и качала головой.

– Понял, Санька? Не смей плавать за буйками! – строго сказал глава семейства – жирный дядя с животом, происхождение которого без слов объясняли бутылка пива в одной руке и большая лепешка в другой.

– Гражданин, с вас девятнадцать рублей, – деловито сказала продавщица пирогов.

Она разогнула спину – это была Софи. Я узнала ее главным образом по своим очкам, они закрыли верхнюю половину Сонькиной физиономии не хуже, чем маска ныряльщика. Довершая маскировку, на голову она нахлобучила белую матерчатую панаму с широкими, печально обвисшими полями. Лицо ее было скрыто в тени, зато от шеи и ниже Софи щедро обнажилась, нацепив неприлично короткие шортики и дырчатую маечку, трещащую под напором плоти, как переполненная рыболовная сеть. Если таким образом Сонька хотела отвлечь внимание от своей слегка подпорченной физиономии, ей это удалось. Даже я, никогда не засматривавшаяся на женские прелести, с трудом оторвала взгляд от соска, жизнеутверждающе пробившегося в ячейку сетки. Под впечатлением от этого зрелища я забыла о чрезвычайном происшествии, и только Сонькин вопрос вернул меня к теме:

– Танюха, слыхала, что стряслось?

Я покачала головой, не сомневаясь, что сейчас все услышу.

– Какой-то мужик угодил под аквабайк!

– Как его угораздило? – я с недоумением посмотрела на море.

Аквабайки, катаера с привязанными к ним «бананами» и парашютами и прочий шумный и опасный водный транспорт по соображениям безопасности этим летом вывели за акваторию бухты.

– Он заплыл далеко за буйки, там нырял и в один далеко не прекрасный момент крайне неудачно вынырнул, – объяснила Софи. – Не повезло парню, как раз попал под скутер! А вот Витьке, хозяину скутера, наоборот, повезло: у него мотоцикл этот ночью из гаража пропал, а теперь вот нашелся – на диком пляже, без водителя, естественно. К счастью, Витька успел о пропаже в милицию заявить, так что к нему теперь претензий не будет.

– Но ведь человек-то пострадал? – спросила я.

– Да отстрадался уже! – качнула головой-мухомориной всезнающая Сонька. – Куда человеческому черепу против скутера, идущего на полном ходу? Такая трепанация получилась – страшно смотреть!

– Ты что, смотрела на покойника?! – ужаснулась моя нежная Нюня.

– И ты тоже пойдешь посмотри, – посоветовала Софи. – Посмотри и подумай о тщете всего сущего. Вот, был красивый молодой парень, а теперь что?

– Девушка, немедленно прекратите нас запугивать! – возмутилась толстая тетя.

– А я вообще не с вами разговариваю! От вас я только деньги жду, девятнадцать рублей! – огрызнулась Софи.

– Да заберите вы свой пирог, у меня от ваших слов аппетит пропал! – в сердцах заявил муж толстухи.

– Правильно, пусть она заберет свою непропеченную преснятину, возьмите лучше у меня чебурек с перчиком! – включилась в разговор какая-то Сонькина конкурентка.

Софи немедленно ввязалась в дискуссию о том, допустимо ли во всеуслышанье обсуждать трагическую гибель одного купальщика, отбивая желание продолжать пляжный отдых у других гостей курорта, а также позволяет ли корпоративная этика разносчиц нагло перехватывать у коллег по цеху покупателей. Вяло подумав, что Софи нынче и второй глаз могут подбить, я пошла дальше.

Ноги сами собой несли меня к морю, где тесным кругом, как детишки, играющие в «Угадай, кто?», столпились люди в купальных костюмах, спасатели в жилетах и даже несколько граждан в снаряжении для подводного плавания. Я протолкалась в первый ряд зевак. В глаза

бросилось белое пятно: мужчина в медицинском халате склонился над лежащей на гальке женщиной. Ноги ее заканчивались резиновыми ластами, голова была вполне цела.

– Это она каталась на байке? – спросила я спасателя, оказавшегося рядом со мной.

– В ластах-то? Ну, вы придумаете! – хмыкнул он.

– Значит, эта женщина – подруга погибшего ныряльщика? – Мне хотелось понять, как связано внезапное нездоровье женщины с гибелью мужчины.

– Подруга? – Парень снова хмыкнул. – Скорее посмертная знакомая! Она вдохновенно занималась дайвингом и вместо затонувшего барка с трюмом, полным золота, нашла свежего утопленника с раскрытой головой. Чуть сама там же, на дне, не осталась! Хорошо, что Петька, инструктор, был рядом.

Машинально разыскивая взглядом инструктора, который был рядом, я пошарила глазами по гальке вокруг доктора с бесчувственной пациенткой и охнула. В паре метров от женщины лежал кусок коричневой медицинской клеенки, под которым смутно угадывались очертания неподвижного человеческого тела. И, видно, чтобы я не слишком напрягала воображение, мироздание срочно организовало порыв ветра, который поднял и отогнул верхний край клеенки.

– Mamочка моя! – пискнула Нюня.

– Ой, худо дело! – присвистнула Тяпа.

А я ни словечка не сказала. Я подкатила глаза и без звука упала в обморок.

Несчастливым, не пережившим встречи с аквабайком, оказался блондин с карими глазами. Мой ночной маньяк!

Кто-то хлопал меня по щекам руками, от которых пахло растительным маслом.

– Не надо! – слабо попросила я.

– Очень даже надо! – возразил знакомый голос, после чего я получила еще одну оплеуху и открыла глаза.

– Очнулась? – сердито спросила Софи. – Ну, слава богу! Я уж подумала, что ты тоже померла! Что это с тобой, Танька? Ты не беременная?

– Не от кого! – буркнула в ответ моя Тяпа.

Я села и огляделась. Передо мной была сверкающая морская гладь, подо мной неудобные камешки, вокруг – туча людей, безмятежно наслаждающихся пляжным отдыхом. Неподвижно лежащих граждан было полным-полно, но все они, насколько я могла судить, были живы и в сознании.

– А где этот, который под байк попал? – спросила я, не сумев выговорить пугающее слово «труп».

– Увезли, – коротко ответила Софи.

Она шлепнулась рядом со мной и вытянула из кармана фартука пачку сигарет и зажигалку.

– Покурю тут чуток и дальше пойду. Я с тобой минут двадцать потеряла, небось конкурентки мои за это время всех проголодавшихся отоварили!

– Извини, – сказала я. – Спасибо тебе. А кто он, этот погибший, неизвестно?

– Да, прикольная ты девка, Танька! – косо посмотрела на меня Софи. – Неужто тебе живых мужиков мало, с покойником познакомиться хочешь?

– Понимаешь, Сонька, я ведь знала его немного, – призналась я. – А могла бы узнать еще ближе! К счастью, не довелось. Это же мой вчерашний маньяк, Сонь!

– Да что ты?! – Софи искренне огорчилась. – А я-то собиралась вечером после работы по лесу прогуляться... Эх, невезуха!

Она порывисто затушила в камнях недокурную сигарету, встала, подхватила корзину с пирогами и пошла прочь, сокрушенно качая головой. Я озабоченно смотрела ей вслед и пере-

стала беспокоиться о душевном здоровье приятельницы, только когда она истошно заорала: «А вот кому хачапури! Свежие хачапури!» Тогда я поискала взглядом свое ведро со стекляшками, нашла его неподалеку и с огорчением увидела, что тара перевернута, содержимое ее рассыпалось, а вокруг курганчика фальшивых изумрудов силами двух малолетних строителей уже возводится рыцарский замок.

Мягко отогнав разыгравшихся пацанов, я принялась собирать свое добро. В ведро со стуком сыпались стекляшки, а в голове со скрипом ворочались мысли.

Хозяину скутера Витьке повезло, отвечать за гибель отдыхающего он не будет. А кто будет? Кто виноват?

– «Кто виноват?» – это один из вечных русских вопросов! – встрепенулась моя Тяпа.

– А второй вечный русский вопрос – «Что делать?», – застенчиво подсказала Нюня.

– Я помню отечественную литературу, – сердито сказала я. – У меня диплом библиотечного факультета!

– Не самое шикарное образование, но за неимением лучшего спасибо и на этом! – ехидно сказала Тяпа. – Ну, мои дорогие, что будем делать, чтобы узнать, кто виноват?

– А зачем нам это узнавать? – оробела Нюня. – Меньше знаешь, крепче спишь!

– Это смотря с кем спать! – грубо оборвала ее Тяпа. – Ты разве хочешь оказаться в постели с убийцей?

– Почему я?!

– А кто? Пушкин? Точно, ситуация почти сказочная: «Три парнишки под окном дрались поздно вечером!»

Я вздохнула. Тяпина логика была мне ясна, да и Нюня все поняла без объяснений, только по своему обыкновению пыталась спрятать голову в песок.

Вчерашнее столкновение Димы, Ромы и блондина, представившегося Васей, вполне могло иметь продолжение. Ох, боюсь, не отреагировало ли чрезмерно чуткое мироздание на мои глупые речи о гибельной дуэли? Услышало оно меня, похлопотало – и вуаля! Один мой кавалер убит!

– Убит? То есть в несчастный случай на воде ты не веришь? – уточнила Тяпа.

– Мы на библиотечном факультете не изучали теорию вероятностей, но подумай, какие шансы у ныряльщика всплыть точно под брюхом летящего аквабайка? Человек ведь не самонаводящаяся торпеда! К тому же трагедия произошла либо поздней ночью, либо ранним утром, когда в море, помимо ершей и медуз, никто не плавал!

– Кроме маньяка и того типа, который угнал аквабайк! – напомнила внимательно слушающая Нюня.

– Что, если этим угонщиком был Рома или Дима? – Я озвучила терзающее меня подозрение и содрогнулась, вообразив кошмарную сцену преследования бедненького маньяка обезумевшим ревнивцем на аквабайке.

Примечательно, что еще пару дней назад мне и в голову не пришло бы всерьез рассматривать сценарии, в которых кто-то меня до смерти ревнует. Я, как уже говорилось, девушка скромная и не слишком высоко оцениваю свою женскую привлекательность. Однако когда у скромной девушки один за другим заводятся сразу три красавца-ухажера, ее самооценка стремительно растет. Я сознавала, что до Клеопатры и Елены Троянской мне еще далеко, но сфотографироваться на обложку приличного глянцевого журнала уже не отказалась бы.

– Значит, так! – попытожила деятельная Тяпа. – Я вижу первую и главную задачу в том, чтобы снять подозрения в убийстве с Димы и Ромы. Или хотя бы с одного из них!

– Кроме меня, их никто и не подозревает, – справедливости ради заметила я.

– Кроме тебя, они никого и не интересуют как реальные кандидаты в спутники жизни! – напомнила Тяпа. – Ладно, я согласна, пусть наш прожиточный минимум сведется всего к одному мужику, но нужно ведь точно знать, что он, этот единственный, не преступник!

– Надеюсь, у Димы и Ромы есть алиби на вторую половину ночи и утро, – пробормотала расстроенная Нюня.

Я пожалела ее и не стала говорить о том, что единственным надежным алиби для Димы и Ромы могла быть бессонная ночь, проведенная в моей постели. Увы, ни один из красавцев не составил мне компанию.

– Остается надеяться, что они спали друг с другом! – цинично усмехнулась Тяпа. – Хотя на кой черт нам нужны такие неправильные мужики?

– Значит, выход один. Надо разобраться с этим поистине головоломным делом и найти настоящего убийцу! – неожиданно твердо сказала моя мямля.

Ну, уж если даже Нюня дошла до такой мысли, вопрос можно было считать решенным.

Вот так эгоистичный амурный интерес привел меня в ряды последовательниц мисс Марпл.

Небольшой, но успешный опыт работы детективом у меня уже был: еще на первом курсе мне удалось отыскать свою тетрадь с конспектами лекций по детской литературе, которую предприимчивая Райка Лебзон без моего ведома за деньги отдала в прокат знатным разгильдяйкам с факультета дошкольного воспитания. А это, скажу я вам, была задачка не легче тех, что доставались Шерлоку Холмсу! Конспектов, кроме моей тихони Нюни и нашей идейной старосты, на курсе не писал никто, и накануне сессии они были на вес золота.

Однако с чего начинать следствие в данном случае, я не знала. Помогла мне тетя Люся, выглянувшая из своего виноградного офиса, когда я, перекосившись под тяжестью ведра с художественными стекломатериалами, пробегала по двору.

– Танечка! Подойди поближе! – обратилась ко мне хозяйка словами удава Каа, произнесенными его же гипнотическим тоном.

Я подчинилась так же безропотно, как бандерлоги.

– Детка! – хорошо поставленным голосом сказала тетя Люся, заложив увечными очками очередную политически выдержанную книгу – томик Анри Барбюса. – Из достоверных источников мне стало известно, что твой товарищ Роман Иванов утром не вышел на работу. Аванс в кассе взял, со мной до конца не расплатился, всего одну тыщу отдал... А ведь это ты, Танечка, дала молодому человеку наилучшие рекомендации!

– Я обещаю и торжественно клянусь срочно разобраться и принять меры! – поспешно отсалютовала я, обоснованно опасаясь, что следующей фразой хозяйки будет категорическое требование возместить ущерб, нанесенный ее кошельку и репутации безответственным Ромой, из моего кармана.

Поставив в сарай ведро со стекляшками, я побежала в «Жемчужный колос».

На двери щелястого смотрительского домика по-прежнему болтался амбарный замок. Ромы нигде не было видно, зато у бассейна в грозной позе – уперев руки в бока – стояла директриса санатория. Она сердито притопывала и очень недовольно смотрела на плавающие по воде цветочки. Цветочки были прелестные, аленькие, но, конечно, на родных кустах они смотрелись уместнее, чем в плавательном бассейне.

На зеленом ворсистом ковре, устилающем подступы к водному сооружению, переминались два пацаненка в плавках, масках и надувных жилетах. Сквозь стекло масок они тоже пристально смотрели на воду. Капризно опущенные углы ртов придавали деткам дополнительное сходство с рыбами породы сомовых.

– Мама! А бассейн все еще не работает! – обернувшись к недалекому жилому корпусу, нажаловался один из маленьких ихтиандров.

– Как не работает? – из окна выглянула женщина, затейливо замотанная в газовый платок поверх купальника. – А за что же мы деньги платили? Какая такая категория «три звезды» без бассейна?

Директриса «Колоса» покраснела, как аленькие цветочки. Оценив ситуацию, я громко крикнула:

– Прошу прощения, небольшая техническая пауза, бассейн откроется через десять минут!

Директриса взглянула на меня, очевидно, узнала, пожала плечами и ушла к себе в административное здание. Заискивающе улыбнувшись водоплавающим мальчикам, я побежала к Роминому скворечнику, еще издали приглядываясь к единственному подслеповатому окошку в грязных разводах и потеках старой краски. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что стекла в раме держатся на одной окаменевшей замазке. Расковырять ее мне было нечем, но я не спасовала, мною руководила находчивая и решительная Тяпа.

– Уволят ведь придурка! – гневно бормотала она. – Ему-то что, а с меня деньги взыщут по полной программе – и в кассу «Колоса», и в тети-Люсин кошелек!

Эгоистическое желание сэкономить собственные скудные финансы отлично простимулировало мою умственную деятельность. Я огляделась. На веревке бельевой площадки сохла постирушка. Я высмотрела в ряду махровых изделий полотенеčko поплоче, сдернула его с веревки, намотала на руку и кулаком высадила стеклышко в нижнем квадрате оконной рамы. Замазка жутко хрустнула, но стекло не разбилось, вывалилось внутрь цельной ледышкой. Я просунула руку в образовавшееся отверстие, нащупала шпингалет, остервенело подергала его, кое-как сдвинула и подняла. Потом как следует нажала на рамы, они крякнули, и окно со скрипом открылось внутрь. Я распахнула его настежь и без промедления полезла в домик.

Сложенные зонты стояли в одном углу, шезлонги – в другом. Промежуток почти полностью занимала раскладушка, на которой лежали стопка застиранного казенного белья со штампом санатория, сиротское одеяло цвета штормовой морской волны и плоская засаленная подушка – воплощенная мечта перьевого клеща. Мне стало ясно, что минувшей ночью Рома дома вообще не ночевал. Это, конечно, свидетельствовало против него.

Рассерженная и расстроенная, я один за другим выбросила в окно шезлонги и зонты, вылезла сама, тяжело нагрузилась предметами первой околбассейновой необходимости и, пыхтя, отволокла все это добро куда надо.

Нетерпеливые ихтиандрики уже сидели на бортике бассейна, болтая ногами в воде.

– Айн момент! – сказала я им, проворно расставляя по периметру бассейна шезлонги и зонты.

Пришлось сделать еще один рейс к скворечнику, чтобы принести ведро и сачок. Цветочки из воды я вылавливала невнимательно, поэтому управилась быстро.

Истомившиеся ихтиандрики бухнулись в воду. Я им позавидовала, но купаться не решилась, думая, что обслуге это удовольствие не полагается по статусу. Вот манки поесть мне, может, и дали бы... Впрочем, аппетита у меня не было, его вытеснил сыщицкий азарт.

С легкой завистью покосившись на плещущихся в воде пацанов, я вернулась к домику нерадивого бассейнового зрителя Ромы, снова влезла в окно, притянула створки, закрывая их, включила тусклую и пыльную электрическую лампочку под потолком и принялась обыскивать помещение.

Без шезлонгов и зонтов в домике стало просторнее, но ненамного. Площадь единственной комнаты не превышала шести квадратных метров. Чтобы освободить себе оперативный простор, я сложила раскладушку и переставила ее к стене. Теперь в комнате стоял один венский стул, наверняка никогда не бывавший в Вене. Небось культурные австрияки не стали бы драть в клочья гобеленовое сиденье и царапать лакированные ножки! Разве что их погрызла какая-нибудь невоспитанная немецкая овчарка?

– Оставь стул в покое! – заметив, что я отвлеклась, раздраженно попросила Тяпа.

– Оставлю, когда пошарю в карманах! – возразила я, имея в виду, разумеется, не карманы стула – таковых у него не имелось, – а всяческие отверстия и пазухи приснопамятного белого

костюма. Бережно расправленные брюки лежали на сиденье, пиджак висел на спинке, и я не замедлила провести ревизию карманов.

– Надо же, и в самом деле ничего, кроме одной-единственной дырочки!

– Надо за подкладкой посмотреть, – посоветовала Нюня, мучительно стесняющаяся своего участия в неблагоприятном занятии, но неспособная справиться с любопытством. – Раз есть дырка, в нее могло что-нибудь завалиться.

Я сочла, что совет дельный, и старательно прощупала низ пиджака. В одном месте мне попало что-то твердое, плоское, круглое вроде пуговицы. Я подогнала находку поближе к карманной дырке, скрючила пальцы пинцетом и извлекла на свет пятирублевую монетку. Это была невеликая ценность, но я машинально положила ее в карман. Больше ничего интересного в костюме я не обнаружила и перешла к тщательному осмотру помещения.

Собственно, осматривать было особо нечего. Кроме псевдовенского стула, на гордое звание мебели претендовала только примитивная вешалка в виде неструганой дощечки с торчащими из нее гвоздями. Все они пустовали. В углу подоконника, с которого я в ходе прыжков туда-обратно частично смела пыль подолом, нашлась бесформенная и полинявшая картонная пачка с окаменелостью, в которую превратилась пищевая соль. По всей видимости, Рома унаследовал это добро от прежних владельцев скворечника. Для пущей дотошности я потыкала в плотный серый комок длинной ручкой металлической расчески, лежавшей на верхнем крае мутного подслеповатого зеркала. Соль удалось раздробить на крупинки, не показавшиеся мне подозрительными. Хотя употреблять их в пищу я, конечно, не рискнула бы.

Потом я подняла и потрясла пыльный половичок, расчихалась, расплакалась, потеряла глаза грязными руками, занесла в левый глаз соринку, сунулась к зеркалу, чтобы высмотреть ее и убрать, но не рассчитала и стукнулась о стекло лбом. От удара зеркало застрялось, и из узкой щели между ним и стеной выскользнул маленький блокнот в бумажном переплете. Он шлепнулся на пол у моих ног и сам собой раскрылся там, где лежала закладка в виде пятисотрублевой купюры. Жадно завладев блокнотом, пятисотку я особым вниманием не удостоила. Она закрывала мне текст, поэтому я просто сунула ее в карман.

– А вот это уже похоже на мародерство! – запротестовала деликатная Нюня, промолчавшая, когда я присвоила пятак.

Я не удостоила свою праведницу ответа. Я уже вперилась в блокнот и читала лаконичные записи, датированные вчерашним днем: «6-30. Интим свид в уе месте». Строчкой ниже: «20 – с др муж». И последнее: «Пол дев. Шл в лес, спутник сверхнов».

– «Интим свид» – это интимное свидание, точно! – мгновенно взбодуражилась Тяпа.

– А «уе место»? – спросила я.

– «Уе» – это условная денежная единица, – подсказала Нюня.

– Может, местом интимного свидания был валютный бордель? – задумалась Тяпа. – С борделем очень хорошо сочетается «шл» из третьей строки, если предположить, что «шл» – это «шлюха»! Кстати, «с др муж» можно расшифровать как «с другим мужчиной», что вполне соответствует аморальному поведению шлюхи!

– Про эту «шл» сказано, что она в лесу! – напомнила я. – В окрестностях поселка есть леса лиственные, сосновые и смешанные, но среди последних я не знаю ни одного валютно-бордельного!

– Что вы! Как «шл» может быть проституткой, если у нее «пол дев» – «пол девичий»? – оскорбилась Нюня. – «Шл» – девица, значит, она непорочна!

– Может, «шл» – это «шляпа»? Специальная такая, для прогулок в лесистой местности? – предположила я, но услышана не была.

– Непорочная она, как же! – фыркнула упрямая Тяпа. – А для чего же ей тогда прейскуррант? По-моему, ясно написано: за интимное свидание – шесть тридцать уе! Евро, наверное, в

долларах совсем мало получается, за такие деньги и в самом деле только в лесу можно встречаться, без удобств и претензий.

Она погрузилась в расчеты и замолчала. Я влезла в образовавшуюся паузу с вопросом:

– А астрономия тут при чем? В третьей строке, кроме непорочной шлюхи из валютного леса, упоминаются еще небесные тела – спутник, сверхновая! Они-то тут с какого боку?!

– Ну, я не знаю! – недовольно сказала Тяпа. – Фиг их поймешь, этих лесовалютных шлюх! Может, они между делом в телескоп смотрят? Так сказать, раздвигают не только ноги, но и кругозор? Японские гейши, например, стихи сочиняли, почему бы нашим шлюхам астрономией не баловаться? Чем наши шлюхи хуже японских?

– Патриотично, – отметила я. – А только не убедили вы меня ни в чем. Надо будет еще подумать над этим ребусом.

Высоко подняв брови, я перелистала блокнот в обратном направлении, но таких любопытных записей, как на последней страничке, больше не нашла. Листочки были испещрены короткими и скучными пометками вроде: «С 7-12. На пляже» и «23–20. Отбой». Эти записи не будили воображение и походили на банальное расписание, в чем упрямая Тяпа увидела подтверждение своей версии:

– Разве не понятно? С семи до полудня шлюха работает на пляже, а в половине двенадцатого укладывается спать. Рановато, конечно, для ночной бабочки, но ей же к семи на работу, надо когда-то и отдохнуть.

– Это-то я как раз понимаю, сама то и дело на работу к семи бегаю, – пробормотала я.

И осеклась. Замолчала, вытаращила глаза и задрожала от нервного волнения.

– Нет! – неуверенно сказала Тяпа. – Нет, ты что?! Такого просто быть не может! Нюнька, скажи!

А умненькая и чувствительная моя Нюня уже заскулила жалобно, как ушибленный щенок:

– Ой-ей-ей! Стыд-то какой, умру сейчас...

– Умрешь позже! – огрызнулась я. – Сначала умрет этот гад, я сама его убью, своими собственными руками! Задушу мерзавца, но перед этим буду жестоко пытаться, пока он не признается, зачем за мной следил и результаты своих наблюдений в блокнотике стенографировал!

Трясаясь от волнения и негодования, я вновь заложила блокнот пятисоткой, сунула весь комплект в карман, вылезла из скворечника и даже не потрудились как следует прикрыть окно. Все равно красть у Ромы уже нечего, разве что помятый белый костюм! А и пусть его украдут, мне не жалко! Не буду я жалеть коварного типа, который установил за мной слежку!

В том, что записи в блокноте вкратце отражают мое собственное времяпрепровождение, я окончательно убедилась примерно через час. За это время я много чего успела. Обожгла ноги могучей и кусачей крапивой, через которую напролом, как танк, пробилась к уединенной лавочке на задворках тети-Люсиной фазенды. До красноты и рези утомила глаза, пылливо изучая мелкие буковки, складывающиеся в обрывки слов – над ними еще пришлось поломать голову. Однако натруженные глаза, гудящая голова и зудящие ноги были побочными результатами. Главным стала уверенность в том, что из двух недель своего пребывания в поселке как минимум десять дней я находилась под наблюдением! При этом нельзя было исключать вероятности того, что Рома следил за мной с самого начала, просто блокнот для шпионских записей завел не сразу, а лишь на четвертый день.

В принципе нейтральные записи типа «С 7-12. На пляже» могли относиться к доброй половине местных жителей, промышляющих тем или иным видом пляжного бизнеса, а также ко всем тем поклонникам солнца, моря и воды, которые не ленились проснуться пораньше. Но последняя страничка выдавала моего шпиона с головой! «6-30. Интим свид в уе месте» – это, конечно, была запись о моем вчерашнем знакомстве с Ромой у моря. Точно, в половине седьмого утра пляж был пуст – чем не уединенное место? А интимным свиданием Рома с

наглым самодовольством назвал нашу романтическую встречу на основании единственного лечебно-оздоровительного поцелуя и последовавших за ним бестолковых кувырков.

«20 – с др муж» – это наверняка о моем ужине с новым знакомым. Точно, в восемь часов вечера я была в кафе с Димой, то есть – в Роминой трактовке – с другим мужчиной. И, наконец: «Пол дев. Шл в лес, спутник сверхнов» – в переводе со шпионского на русский должно было означать, что в половине девятого я шла в лес в сопровождении сверхнового спутника. Астрономический термин смущал меня до тех пор, пока я не разглядела каламбур: «сверхновый спутник» – «самый новый, новейший». То есть под сень древесных кущ я удалилась не с самим Ромой и не с Димой (новым спутником относительно того же Ромы), а с кем-то третьим – сверхновым. По всей видимости, наблюдатель засек мои вынужденные объятия и поцелуи с третьим лишним – лесным маньяком Васей, царство ему небесное.

Поминутно приседая, чтобы нервно почесать крапивные ожоги на ногах, я короткими перебежками вернулась в свой курятник. К счастью, никого из моих соседей там не было. По двору с потеряннным видом, углубив руки в недра своих бездонных карманов, слонялся Гера. Я слегка удивилась тому, что наш мальчик Экстремальчик в прекрасный солнечный день не пошел на пляж, но выражать свое удивление вслух не стала. В данный момент я не была расположена к общению ни с мальчиками, ни с девочками. Единственным привлекательным видом контакта между человеческими особями мне виделся односторонний мордобой с применением подручных предметов разной степени тяжести и угловатости. Избить мне хотелось, разумеется, подлого предателя Рому. Каков негодяй! Я к нему со всей душой – и искусственное дыхание делала, и кров-стол помогла найти, и даже работала за него смотрителем бассейна! А он! Двухличный тип, перевертыш!

– Зато теперь понятно, почему Рома не обитает в своем смотрительском скворечнике! – с горечью сказала Тяпа. – По всей видимости, у него есть в поселке нормальное жилье. Возможно, оно же является его наблюдательным пунктом.

Я кивнула. Мне тоже представлялось маловероятным, что шпион день-деньской ходил за мной по пятам, как привязанный. Я не слепая, за десять дней хоть раз-другой обязательно заметила бы «хвост», да и не с Роминой яркой внешностью играть в мышку-«наружку», то есть вести наружное наблюдение. К тому же надо учесть, что на пляже я не лежу, как отдыхающие, а сную вдоль моря в челночном режиме с ведром. Утомился бы мой шпион бегать следом! Ему гораздо проще и приятнее было бы наблюдать за моей муравьиной суетой с какой-нибудь стратегической высоты.

– Можно попытаться вычислить, где его наблюдательный пункт! – утерев сопли, подала голос умница Нюня.

– Как? – заинтересовалась я.

Нагрязнуть к ничего не подозревающему Роме на его конспиративную квартиру с бейсбольной битой в руках казалось мне воистину душеспасительным делом.

– Смотри, в блокноте зафиксированы все твои посещения пляжа, вечерние выходы на набережную, сиделки с Димой в «Бригантине» и уход в лес, – Нюня объясняла обстоятельно. – То есть пляж, набережная, «Бригантина» и начало тропинки, ведущей к «Жемчужному колосу», должны быть в зоне видимости наблюдателя. А чтобы делать выводы о времени твоего подъема и отбоя, Рома должен был видеть тети-Люсин курятник. При этом прошу заметить, что важный, с моей точки зрения, момент знакомства с Димой в шпионской хронике вообще не отражен. Значит, та часть улицы, где произошло историческое обрушение в пыль чистого белья, с наблюдательного пункта не просматривается.

– Минутку, я возьму бумагу и ручку!

У Софи в тумбочке имелись фломастеры и квадратная пачка розовых бумажек, которые она использует, чтобы делать ценники на свои пироги. Эти канцелярские принадлежности я использовала не для письма, а для черчения. Топографическим идиотизмом я не страдаю,

память у меня хорошая, глаз верный, рука твердая, однако бумажная стопка понизилась сантиметра на два, прежде чем я нарисовала более или менее удовлетворительную схему. У меня получилось, что наблюдательных пунктов, соответствующих условиям задачи, в поселке два: пограничная вышка и башня частного отеля «Чайка». Они расположены по разные стороны бухты. Гнездовье пограничников высится над лесом, которым поросла горбатая спина Левого мыса, а миниатюрный замок «Чайки» прилеплен к скале Правого мыса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.